

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

О Ч Е Р К И
П О И С Т О Р И И
Р У С С К О Г О
В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

Сборник VI

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1963

Н. А. КУЗНЕЦОВА

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ БАБИЗМА И БЕХАИЗМА В РОССИИ

Русские ученые одними из первых обратили серьезное внимание на возникновение бабизма в Иране и постепенное его перерождение в бехаизм. Академик В. В. Бартольд считал, что «русские труды о бабизме остаются до сих пор одной из лучших страниц в истории русского востоковедения»¹.

Сложившиеся в середине XIX в. взаимоотношения между Россией и Ираном благоприятствовали детальному знакомству русских дипломатических чиновников, военнослужащих, представителей торгово-предпринимательских кругов и ученых с экономикой, социальными отношениями, политической жизнью, историей, культурой, религиозной борьбой и другими сторонами общественной жизни в Иране. И вполне естественно, что широкое народное движение, связанное с именем сейида Али Мохаммеда, называвшего себя Бабом (дверью, вратами к познанию бога), нашло отражение в официальных дипломатических бумагах, в частной корреспонденции, в научных работах, в популярных очерках и т. п.

Первые по времени сообщения о выступлении бабидов сохранились в донесениях и депешах русских посланников и консулов в Иране. Посланники граф А. И. Медем и князь Д. И. Долгоруков писали о пропаганде Бабом нового учения, влиянии этой пропаганды на народ, выступлениях бабидов в различных городах Ирана, реакции иранского правительства на бабидские выступления и пр. Подобную информацию посланники получали от консулов из Табриза (Н. А. Аничкова), Решта (Л. А. Ивановского) и Астрабада (С. И. Черняева, В. В. Гусева и др.). Эти материалы хранятся в Архиве внеш-

¹ В. В. Бартольд [Рец. на кн.]: *H. Roemer, «Die Bābī-Behā'ī, die jüngste muhammedanische Sekte»*, Verlag der Deutschen Oriental-Mission, Potsdam, 1912, XII, 192,— «Мир ислама», т. I, вып. 3, СПб., 1912, стр. 427.

ней политики России (ф. Канцелярия. Переписка с Тегераном, д. 177); они были использованы в работе М. С. Иванова «Бабидские восстания в Иране»². Выдержки из 25 документов — депеш князя Долгорукова в Министерство иностранных дел о восстании бабидов в Иране — даны в приложениях к ней.

К бабидскому движению проявляла интерес не только Россия, но и Англия. Обе державы опасались, что восстание бабидов может повлечь за собой изменение политической ситуации в Иране и подорвать влияние Англии и России в этой стране. Именно поэтому английские и русские дипломаты побуждали шахское «правительство принять самые решительные меры для скорейшего подавления их (бабидов.—Н. К.)»³. Чиновники миссий и консульств начали собирать материалы о сути учения Баба и его последователей. Долгоруков потребовал от русских чиновников в Иране подробных сведений о вероучении бабидов, о чем свидетельствует черновик его письма к Н. А. Аничкову. «Учение Баба, приобретая со дня на день более последователей в Персии, должно обратить на себя исключительное внимание наше, и посему я покорнейше прошу Ваше Высочородие употребить зависящие от Вас средства к собиранию возможных сведений о догматах и ходе сего учения и сообщить оные мне для соображения с теми, которые я успел собрать в Тегеране. Присутствие самого Баба в Тавризе, может быть, доставит Вам, М[илостивый] Г[осударь], возможность получить достовернейшие и ближайшие сведения о сем крайне интересном предмете»⁴.

Аничков ответил в Тегеран (13 июля 1850 г.), что он давно уже хлопочет о сборе сведений о догматах Баба, «но персияне, кажется с намерением, искажают учение это в рассказах о нем, а потому доселе нельзя было собрать еще ничего положительно известного по этому предмету. Теперь я надеюсь достать на несколько дней от Хамзе-Мирзы⁵ подлинную рукопись Баба и постараюсь извлечь из нее главные пункты учения»⁶. Долгоруков также ознакомился с одним из бабидских сочинений, полученным от Мирзы Таги-хана⁷, и намеревался переписанный экземпляр послать в Петербург. Собирались и другие сведения о бабидах — о их имущественном по-

² М. С. Иванов, *Бабидские восстания в Иране*, М.—Л., 1939.

³ Там же, стр. 139, 140.

⁴ Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. Миссия в Персии, оп. 528а, д. 239б, л. 5.

⁵ Хамзе-мирза — правитель Азербайджана.

⁶ АВПР, ф. Миссия в Персии, оп. 528а, д. 239б, л. 7.

⁷ Мирза Таги-хан — премьер-министр Ирана.

ложении, связях, отношениях с мусульманскими сектами и т. п.

После подавления бабидских восстаний русские, английские и французские дипломатические чиновники продолжали собирать материалы о последователях Баба, расколе в их рядах, борьбе сторонников Беха-Уллы с единомышленниками Собхе Азала, о преследованиях бабидов в Иране. Однако эти материалы не выходили, как правило, за пределы Министерства иностранных дел и были известны очень ограниченному кругу лиц.

Русские дипломатические представители — управляющий генеральным консульством в Табризе известный ученый-востоковед Н. В. Ханыков, старший драгоман миссии в Тегеране В. И. Севрюгин, драгоман генерального консульства в Табризе А. Н. Мошнин, младший секретарь миссии в Тегеране, впоследствии русский чрезвычайный посланник и полномочный министр А. А. Мельников, консул в Астрабаде Ф. А. Бакулин, первый драгоман миссии И. Г. Григорович, секретари и драгоман консульства в Астрабаде А. Д. Левитский и В. И. Игнатьев, дипломатический чиновник Г. Д. Батюшков, упомянутые выше посланники А. И. Медем и Д. И. Долгоруков, русский генеральный консул Н. А. Аничков, консулы в Астрабаде С. И. Черняев и В. В. Гусев и многие другие интересовались судьбой бабидов, учением бабидских проповедников. Движение бабидов привлекло внимание некоторых русских офицеров, командированных в Иран. Имя русского офицера А. Г. Туманского (1861—1920) стало известно всем, изучающим бабизм и бехаизм.

А. К. Мирза Казем-бек, первый русский исследователь бабизма, издавший в 1865 г. большой труд о бабидах «Баб и бабиды. Религиозно-политические смуты в Персии в 1844—1852 годах», широко использовал материалы, собранные дипломатическими чиновниками.

В отличие от Д. И. Долгорукова, считавшего бабизм чисто религиозным движением, Мирза Казем-бек склонен был рассматривать его как политическое выступление против существующего строя, принявшее религиозную окраску. Подзаголовком к книге «Религиозно-политические смуты в Персии» Мирза Казем-бек хотел подчеркнуть именно политическую сущность бабизма⁸.

⁸ В этой книге очень отчетливо проявляется идеалистическое мировоззрение Мирзы Казем-бека. Об идеалистической концепции Казем-бека и значении его трудов о бабизме см.: Н. А. Смирнов, *Очерк изучения истории ислама в России и СССР*, М., 1954, стр. 70—72. Несмотря на принятие христианства, Мирза Казем-бек, как мы полагаем, в душе

Для сбора материалов о бабидах Мирза Казем-бек ездил в Табриз и Мазендеран; там он беседовал с очевидцами недавно отшумевших событий, познакомился с некоторыми бабидскими сочинениями. При написании книги он использовал записки своего ученика В. И. Севрюгина, полученные им от Н. В. Ханькова, и А. Н. Мошнина, воспитанника Петербургского университета, а также рукопись о бабидах, взятую у акад. Б. А. Дорна. Эта рукопись на мазендеранском языке была написана одним из барфорушских мулл, приобретена Г. Мельгуновым во время поездки по южному побережью Каспийского моря и впоследствии передана в Библиотеку Академии наук в Петербурге⁹. Казем-бек нашел, что рукопись содержит неточные сведения о бабидах, неверно освещает некоторые события.

Основным же источником, откуда Мирза Казем-бек черпал фактические данные о движении, была «Насих ут-таварих»¹⁰ Мирзы Таги Сипехра Лисан уль-Мулька, иранского придворного историка. Однако это не помешало ученому отметить имеющиеся у Лисан уль-Мулька ошибки и предвзятое отношение к бабидам (Лисан уль-Мульк, например, утверждал, что Баб помешан, а бабиды — сторонники общности жен, т. е. аморальные люди, и т. п.).

Мирза Казем-бек пытался установить биографию Баба, хронологическую последовательность бабидского движения. Для этого он приводит в книге весь собранный им материал, подчас противоречивый. Мирза Казем-бек симпатизировал идеям Баба. По его мнению, сам Баб не принимал никакого практического участия в движении и лишь оказал большое моральное воздействие на население. Казем-бек неодобрительно отнесся к эволюции учения бабидов. Он утверждал, что ученики и приверженцы Баба видоизменили учение сейида Али Мохаммеда, приписали Бабу божественное происхождение

остался последователем «чистого» ислама. Вероятно, этим объясняются его утверждения, что ислам не может быть, как и христианство, преградой цивилизации, и доброжелательное изложение основ учения мусульманских проповедников, идеи которых, судя по всему, разделялись им самим.

⁹ Г. Мельгунов, *О южном берегу Каспийского моря*, СПб., 1863, стр. 136. В архиве Б. А. Дорна имеется рукопись, в ней 14 листов из обычной тетради, кое-где есть пометки Дорна на полях, некоторые слова переведены на немецкий язык, проставлена огласовка, карандашом исправлены отдельные слова. Акад. Дорн описал эту рукопись в «*Mélanges Asiatique*» (t. IV, p. 442, № 11). В настоящее время она хранится в Архиве Академии наук (ф. 776, оп. 1, № 18) под названием «Секта бабидов, получившая начало свое в Мазендеране».

¹⁰ *ناصرح التواريخ ميرزا تقى سبهر لسان الملك*

ние, привлекали народ на свою сторону, действовали именем Баба против духовенства и правительства¹¹.

Казем-бек рассказал о секте шейхитов, из которой вышел Баб, об учениках Баба, о восстании в Мазендеране, мерах иранского правительства, предпринятых для борьбы с бабидами, выступлении бабидов в Зенджане и Нейризе. Казем-бек писал о том, что бабиды хотели провести реформы, ограничить произвол правительства, уничтожить самоуправство министров, губернаторов, добиться точного исполнения законов и пр. «Причины, породившие политический бабизм, все еще волнуют слои образованного общества в Персии», — заключал ученый. Казем-бек высоко оценивал деятельность Моллы Хосейна Бушруи, Моллы Мохаммед-Али Зенджанского и др. и был очень нелестного мнения о Яхье Дараби, руководителе нейризского восстания, человеке честолюбивом, не имевшем, по мнению Казем-бека, искренних убеждений, строившем все свои расчеты на обмане. Хронологически Мирза Казем-бек обрывает свое исследование на 1852 г. — выступлении бабидов в Тегеране и жестокой расправе с бабидами. Исследование заканчивается главой об учении Баба и его приверженцев.

Книга Мирзы Казем-бека была своего рода явлением в русском востоковедении. В ней освещались факты недавнего прошлого, говорилось о событиях, которые потрясли Иран и которые во многом оставались еще неясными ученым и практическим работникам. Она была хорошо принята русской общественностью и долгое время оставалась единственным обстоятельным исследованием на русском языке о бабидах. В России, стоявшей на пороге преобразований, идеи борьбы за реформы, в какой бы стране эта борьба ни шла, находили живой отклик.

Последующие работы русских ученых о бабизме не были столь обстоятельны. Востоковеды собирали и описывали главным образом бабидские рукописи. Например, академики Б. А. Дорн и В. Р. Розен изучали в основном бехаитские рукописи. Статьи же, имевшие публицистический характер, содержали очень мало дополнительных сведений о бабидах¹². По-

¹¹ Точка зрения Казем-бека, что ученики Баба революционизировали его учение, подтверждена более поздними исследованиями. В частности, М. С. Иванов пишет, что последователи Баба внесли значительные изменения в его учение, более определенно высказав чаяния и стремления иранских крестьян, городской бедноты и ремесленников (М. С. Иванов, Бабидские восстания в Иране, стр. 76, 83—85).

¹² Список основных работ по бабизму см. в статье А. Е. Крымского («Древности восточные», т. IV, 1913, Протоколы, стр. 79—91).

этому, если судить только по опубликованным работам, создается впечатление, что русские не так уж много сделали для изучения бабизма и бехаизма (исключая труды В. Р. Розена и А. Г. Туманского).

Между тем во многих архивах хранятся богатые материалы о бабидах и бехаитах, которые до последнего времени были мало известны иранистам. Знакомство с ними поможет исследователям более полно представить историю бабидов, а также историю изучения их в России. Большой интерес представляет в этом отношении личный архив В. Р. Розена, крупнейшего знатока бабизма и бехаизма.

В. Р. Розен раньше английского исследователя бабизма Э. Броуна обратил внимание на бехаизм — новое течение в исламе — и уже в 1877 г. описал несколько бабидских рукописей, хранившихся в библиотеке Учебного отдела Министерства иностранных дел¹³.

В период работы над рукописями Розен глубоко заинтересовался учением бабидов. После публикации небольшой заметки о новых бабидских рукописях¹⁴ Розен начал подготавливать к печати отдельные послания Беха-Уллы. В 1893 г. он издал «Послание „Благие вести“»¹⁵, полученное из Ашхабада, где нашли приют бежавшие из Ирана бабиды. Розен высказал предположение, что «Благие вести» рассчитаны не на бехаитов, а на англичан и русских. Причем вариант, переданный Розену из Ашхабада, предназначался явно для русских властей. В архиве Розена имеется текст этого послания, вступительная часть к нему, подписанная 17 декабря 1891 г. Розеном и его учеником В. И. Игнатьевым, секретарем и драгоманом русского консульства в Астрабаде: «с подлинным переводом верно». Текст перевода, вероятно, написан рукой Игнатьева¹⁶. Архивный материал говорит о том, что В. И. Игнатьев, о котором Розен не мог упоминать в статьях по полити-

¹³ См. «Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales». I. Manuscrits arabes (SPb., 1877); III. Manuscrits persans (SPb., 1886); IV. Manuscrits Babys (SPb., 1891).

¹⁴ «Записки Восточного отделения Русского Археологического общества» (далее — ЗВОРАО, т. IV, 1889).

¹⁵ ЗВОРАО, т. VII, 1893, стр. 183—192.

¹⁶ В. И. Игнатьев дал материалы о казнях бабидов в Иезде В. А. Жуковскому, который в 1891 г. опубликовал заметку «Недавние казни бабидов в Иезде» (ЗВОРАО, т. VI, 1891, стр. 321—327; т. VII, стр. 327), о чем В. А. Жуковский написал позднее в статье о Бакулине. Игнатьев в письме от 23 апреля 1892 г. просил Розена не указывать его имени, что именно он доставил Розену ценные материалы о бабидах, а написать, что послания были адресованы бабидам, живущим в Ашхабаде (Архив Академии наук СССР, ф. 777, оп. 2, д. 188). Так Розен и сделал в статье «Послание „Благие вести“».

ческим соображениям, снабжал Розена сведениями о бабидах, помогал переводить и т. п.

Вскоре Розен получил корректуру статьи Броуна о бабидских рукописях, в которой упоминаются «Благие вести» Беха-Уллы, полученные Броуном от сына Беха-Уллы Мирзы Бади-Уллы. По просьбе Розена Броун прислал ему копию письма Мирзы Бади-Уллы и текст 15 благих вестей. Сравнивая материалы Броуна со своими, В. Р. Розен пришел к выводу: «С одной стороны бабидские заправки в Акке считали неудобным переход в асхабадскую общину, добивающуюся разрешения перехода в русское подданство, документ, содержащий прославление республиканской или конституционной формы правления, а с другой стороны эти же самые заправки считали бесполезным лишней раз засвидетельствовать перед англичанином свое уважение к парламентаризму!»¹⁷. Иначе говоря, Розену была очевидна приспособленческая сущность бехаизма, что проявилось в изменении текста «Благих вестей». Розен не согласился с мнением Броуна, который утверждал, что «Благие вести» были составлены специально для него. Розен доказал, что бехайтам незачем было так обще излагать суть своего учения для Броуна, являвшегося прекрасным знатоком бабизма и бехаизма. «Благие вести» написаны, как полагал Розен, для ответов иноверным властям, у которых нашли приют преследуемые в Иране бабиды и бехайты. Копия письма Мирзы Бади-Уллы и «Благие вести», полученные от Броуна, хранятся в Архиве Академии наук¹⁸.

В. Р. Розен собирал официальные донесения русских дипломатических представителей о бабидах. Этому способствовала тесная связь Розена с Министерством иностранных дел через Учебный отдел восточных языков, а также и то, что многие консулы, работники миссий и консульств были учениками Розена или — старшее поколение — учились с ним. Рукою Розена снята копия с донесения управляющего консульством в Табризе от 11 декабря 1866 г., присланного, вероятно, ему А. Г. Туманским¹⁹.

В. Р. Розен скопировал полученные от А. Г. Туманского депеши русского чрезвычайного посланника и полномочного

¹⁷ В. Р. Розен, *Еще о послании «Благие вести»*, — там же, стр. 314.

¹⁸ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 1, д. 85, л. 8.

¹⁹ Туманский снял копии с документов, относящихся к бабидскому движению, в российской миссии в Тегеране во время своей поездки в Иран в 1894 г. (см. «Китабе Акдес. «Священная книга» современных бабидов», СПб., 1899, стр. XVII, XVIII). Копия находится в Архиве Академии наук СССР (ф. 777, оп. 1, д. 98, л. 1).

министра в Иране И. А. Зиновьева министру иностранных дел князю Горчакову (от 13 января 1867 г. и от 10 июля 1869 г.), донесение русского генерального консула в Азербайджане Безобразова (от 24 апреля 1876 г.) с копией воззвания, которое было повешено бабидами на дверях табризской мечети²⁰, часть депеш О. Шимановского (от 17 апреля 1879 г. и 15 февраля 1890 г.)²¹.

Большой интерес представляет снятая В. Р. Розеном копия с донесения русского генерального консула в Табризе Н. А. Аничкова от 15 июня 1855 г., т. е. вскоре после жестокой расправы над бабидами в связи с покушением в 1852 г. на Насер эд-Дин-шаха. Аничков доносил: «Имел случай получить секретные сведения, что один из значительнейших духовных лиц в Азербайджане Ага Сеид Али, находящийся ныне в Кербеле, тайно обратился к тегеранским и здешним властям с предостережением их на счет чрезвычайного усиления и развития в Керманшахе новой духовной секты *Рукни раба*. Учение это во многом имеет сходство с бабизмом, и, что всего невыгоднее для правительства, оно также направлено против власти шаха. Департаменту неизвестно, что шииты полагают, что после Мухаммеда 12 имамов один за другим наследовали духовную власть пророка, что 13 имам Махди²² скрылся от людских взоров, но доселе еще жив и что верховная власть во всем собственно принадлежит ему, что шах же и прочие светские власти только силою завладели этим преимуществом и, следовательно, перед духовным судом строгое подчинение им не обязательно. Четыре главные секты, развившиеся из этого учения, суть: муташарэи, шейхи, баби и рукираби.

Первые полагают, что муджтехиды наследуют духовную власть имама только при применении закона и случаях частной жизни; вторые считают муджтехидов посредниками между народом и имамом и распространяют это посредничество не только на дела судебные, но и вообще на все относящееся до рода человеческого, так как по их верованиям имеют суть прямого посредника между богом и всем его созданием.

Бабицы признают тождество бога с тринадцатым имамом Махди и только ему одному считают повиновение обязательным. Рукни раби, т. е. четырехстолпники, утверждают, что первая (.)²³ веры есть пророк, вторая — Али,

²⁰ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 1, № 98, лл. 4, 8.

²¹ Там же, лл. 9, 10.

²² Здесь у Аничкова или в копии Розена ошибка. Шииты считают Махди двенадцатым имамом.

²³ Слово написано неразборчиво — «основа»?

третья — 13-й имам и четвертая — тот человек, которому живой, но скрытый от взоров имам Махди передал свои права на людей, и что, следовательно, только ему одному повиновение обязательно и он уже может назначать наибов в другие места, где он лично не присутствует. Теперь они веруют, что власть эта находится в руках ихнего [?] Керим-хана, сына Керим-хана Зенда, брата Джафар Кули-мирзы, Хосров-хана и Шахрух-хана, находящегося при бухарском эмире.

Керим-хан этот теперь находится в Керманшахе, сначала он слыл просто за суфи, то есть человека, имеющего более вольный взгляд на религию, но мало-помалу выработал свое учение и имеет теперь весьма многих и горячих приверженцев. Как говорят, он нашел даже средство распространить свое учение и в Индии, откуда ему нередко посылают значительные капиталы. Здесь наибом его считается некто Хаджи Мирза Шефи. Человек этот был сначала последователем Баба, но, испугавшись преследований лиц, принадлежащих к этой секте, после покушения их на жизнь шаха, удалился в деревню и оттуда подарками, посланными в Тегеран, выхлопотал себе охранный фирман, коим шах удостоверил, что Хаджи Мирза Шафи человек спокойный и считается его богомольцем. Ага Сейид Али представляет секту эту чрезвычайно опасною, но, принимая в соображение, что вместе с этим духовный этот ходатайствует и присылает ему денег, я уверен, что это было без влияния на оценку его важности этой секты²⁴. Тем не менее мне известно и из других источников, что они есть и что может быть в скором времени действия лиц, принадлежащих к оной, будут причиною смут в Персии...»²⁵.

Эти донесения, выписанные Розеном, приводятся полностью здесь потому, что о религиозных сектах, связанных с бабизмом, и о лицах, отколовшихся от бабидов и примкнувших к близким им по духу, но вполне легально существующим проповедникам, в русской и европейской печати не имеется почти никаких сведений. Материалы из архива Розена говорят о продолжавшейся борьбе бабидов и их попытках найти новые пути изменения существующего положения в Иране, о возникновении сект, представляющих, по словам Аничкова, опасность для правительства, поскольку они направлены также «противу власти шаха».

Кроме донесений русских дипломатов, переданных Туманским, Розен имел возможность получать и другие интересующие его материалы о бабидах из Архива МИД'а. Он ознако-

²⁴ Так в тексте.

²⁵ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 1, д. 98, лл. 2, 3.

мился с донесениями управляющего русским консульством в Адрианополе от 26 августа 1868 г. о пребывании бабидов в Адрианополе и действиях турецких властей (арест бабидов, продажа их имущества, переселение бабидов из Адрианополя) и послал дополнительный запрос в консульство: 1) есть ли в консульстве еще какие-либо сведения о бабидах за 1862—1868 гг.; 2) сохранился ли текст протеста бабидов против их арестов и переселения (накануне отъезда Беха-Улла разослал европейским консулам, находившимся в Адрианополе, письма, в которых просил довести до сведения европейских правительств о несправедливом отношении Порты к бабидам и испрашивал разрешения поселиться в каком-либо уголке Европы)²⁶; 3) нельзя ли с точностью выяснить, когда прибыли бабиды в Адрианополь. «Всякие воспоминания лиц, знавших бабидов в Адрианополе в 1862—1868 гг. или имевших с ними сношения, были бы весьма интересны и важны»²⁷. Судя по всему, В. Р. Розену удалось получить из Адрианополя довольно исчерпывающие сведения о Беха-Улле, Аббасе Эфенди, Мирзе Яхье Собхе Азале.

В. Р. Розена очень интересовали истинные причины, вызвавшие гонения бабидов в Турции. Об этом он также запрашивал русское консульство в Адрианополе и русское посольство в Константинополе. Русский посол в Константинополе Н. П. Игнатьев в препроводительном письме к донесению адрианопольского консула от 26 августа 1868 г. писал, что «настоящую причину гонений должно отнести к желанию персидского посланника доставить удовольствие шаху во время пребывания своего в Тегеране, где Мирза Хусейн-хан ныне находится»²⁸. Из Адрианополя Розену ответили со ссылкой на сведения, доставленные Али-Агою²⁹ и турками, что австрийский консул, получив протест Беха-Уллы, обратился к великому везиру с вопросом о причине преследований бабидов, на что великий везир ответил, что «персидское правительство здесь ни при чем, бабиды не могут быть выданы Персии, так как они турецкие подданные, но их переселяют, чтобы не влияли на умы мусульман»³⁰. Такова причина переселения бабидов из Адрианополя в Акру и на о. Кипр. Турецкие вла-

²⁶ Вольный перевод протеста Беха-Уллы, переданного в австрийское консульство, находится в архиве Розена (там же, л. 12).

²⁷ Там же, д. 99, лл. 1—4.

²⁸ Там же.

²⁹ Али Ага Шериф-Ага — перс, проживавший в Адрианополе, сообщил русскому консулу некоторые сведения о бабидских восстаниях в Иране, в частности о Куррат-уль-Айн. Может быть, ему же принадлежат и отрывочные сведения о Бабе, бехайтах и др. (там же, лл. 7, 14—18).

³⁰ Там же, л. 6.

сти боялись распространения учения бабидов и бехаитов. По требованию шейх-уль-ислама книги бабидов, признанные еретическими и вредными, были сожжены.

В архиве Розена находится также сообщение русского консула в Иране П. Е. Понафидина о пребывании некоторых бабидов в Каземейне, Кербеле и Неджефе. Они прибегали иногда к помощи персидского консула, чтобы избежать военной службы в турецкой армии, иногда к защите турецких властей, чтобы отклонить требования персидского консула. Жили эти бабиды тихо и скромно и занимались исключительно торговлей³¹.

Розен собирал даже самые незначительные свидетельства, относящиеся к истории самого Баба, жизни бабидов в Иране и Турции, о распоряжениях иранских и турецких властей и др. Он пытался выяснить причины, обусловившие появление бабизма и перерождение его в бехаизм, не вызывавший у Розена особых симпатий.

В архиве В. Р. Розена хранится его переписка с А. Г. Туманским, Э. Броуном, его бывшим учеником Г. Д. Батюшковым, жившим в 1893—1899 гг. в Иране, и др.

Г. Д. Батюшков сообщил Розену в письме от 11 июля 1893 г. о причине своего назначения в Иран: «..вызван срочно из-за болезни Филипьева, и нужно, чтобы хоть одна была русская фамилия в составе (миссии. — Н. К.): Бюцов, Шпейер, Штриммер, Вольф, из которых трое, правда, почти не говорят по-немецки³². Вначале Батюшков не собирался писать работу о бабидах. (Это он сделал через несколько лет). «Не признавая за собой никаких ученых прав, — сообщал Батюшков Розену, — собранный материал отправлю в средоточие восточной науки — богоспасаемый град Питер»³³. Но в первое время он не смог почти ничего разузнать о бабидах. 1 октября 1893 г. Г. Д. Батюшков писал: «О бабидах узнать многое не удалось: соблюдается осторожность.

М. т.³⁴ в городе есть представители этой секты гебров и бабидов, занимающих видное положение в персидской иерархии или состоятельных купцов, почему мне с ними удобнее иметь дело, и они, большею частью из руководителей своих единоверцев». По словам Батюшкова, Миллеру, который находился в Реште, также трудно найти материалы о бабидах, потому что в Гиляне бабидов очень мало, и членам консульст-

³¹ Там же, л. 9.

³² Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, д. 25.

³³ Там же.

³⁴ Так в тексте.

ва было еще труднее завязать с ними связи: члены консульства находились на виду, не то что в Тегеране, где много еврейцев.

Наибольший интерес представляет письмо Батюшкова Розену от 18 января 1894 г., в котором Батюшков писал о литературе, посвященной бабидам, о некоторых лаухах и толковании отдельных слов из них.

«Как Вы легко догадаетесь, из остальных статей меня более всего заинтересовало письмо А. Туманского. Пришла книга как раз на 2-й неделе сознательного знакомства моего с одним из наиболее ученых и уважаемых бабидов в Тегеране, тем самым *میرزا حسین ادیب*³⁵, который составил присланную им через меня Валентину Алексеевичу³⁶ персидскую грамматику, участвовал в издании *نامه دانشوران*³⁷ (прекратившемся на 1-м томе, ибо издание б[ыло] правительственное, а в Персии это равносильно погибели, так как дело, требующее расходов и не обещающее громадных доходов, не пользуется симпатией шаха, ни его М[ини]стров) и которому принадлежат другие произведения исторические *وغیره*³⁸.

Узнал я о принадлежности его к «ним»³⁹ *آنطائفه*⁴⁰, как мы из предосторожности говорим, вследствие крайне либеральных отзывов его о мусульманстве и готовности познакомить меня с одним из главных *اهل حق*⁴¹ (который, впрочем, все еще уклоняется от свидания) и с бабидами. Кстати пришелся раздел наследства одного русскоподданного бабида (на Кавказе их масса), у которого хранилось довольно много бабидских рукописей и книг. Я, очевидно, постарался раздобыть эти бумаги, как ненужные при расчетах, и таким образом спас от огласки достаточно лиц, которые могли бы от этого существенно пострадать, ибо Пр[авительств]о и дух[овенств]о очень подозрительно смотрят на них, доказательством чему может служить бакинская история. Наследство это помогло мне вдвойне: прежде всего я знакомлюсь с содержанием *الواح*⁴², к[ото]рые в большом количестве адресованы разным лицам и почти исключительно содержат наставления и советы, и узнал о существовании разных книг и молитвенников; кроме

³⁵ Мирзой Хасаном Адибом.

³⁶ Жуковскому.

³⁷ Наме-йе данешверан.

³⁸ «И другие».

³⁹ То есть бабидам.

⁴⁰ «Тому племени».

⁴¹ Ахле хакк — одна из мусульманских сект.

⁴² Лаухов — посланий Беха-Уллы.

того, за такое одолжение мне с большей охотой доставляют и обещают книги и списки. Так у меня уже есть: *کتاب اقدس*⁴³, нечто вроде нашего законника, *کتاب هیکل و ایقان*⁴⁴, заключающей в себе, кроме *سوره الهیکل*⁴⁵, письма к царям и много других — книга напечатана в Бомбее в 1308 г. (стоит, конечно, 19 кран), и мне обещаны списки с Аккского архива (в Акке сохраняются копии со всех писем и посланий).

К крайнему моему сожалению, я не только не имею «*Catal. and descript. of 27 Bâbi Mss*»⁴⁶ и не мог бы найти его здесь, но у меня даже нет VII тома Э. В. О., в котором, верно, есть разбор этой статьи, и лишен, таким образом, возможности узнать, какие именно баб[идские] книги еще не явились достоянием библиотек, и в кредит заказал снимок с молитвенника, содержащего ежедневные (их 3 рода) молитвы с указанием положения и движений, коими должно сопровождаться чтение их. Для образчика прилагаю Вам при сем маленькую молитву, оказавшуюся в одной из приобретенных книг. От своего бабида я, м[ежду] пр[очим], узнал (м. б., это теперь уже для Вас и читавших *catal. الخ*)⁴⁷ и VII том довольно старая новость) пополнение заглавий произведений *بہاء* по списку Броуна и Хюарта (?!) в *Journ. As.*, а именно — *لوح حکمت — جواهر الاسرار — کتاب هیکل — لوح سراج — تبیان — صحیفه معدده*⁴⁸ о которой я уже писал выше. Приведу еще названия сочинений *غصن اعظم*⁴⁹, которого мой *حسن* очень хвалит за ум, знание и др[угие] качества. *هفت وادی — جواب از سؤال ہسیہ*⁵⁰ *جدید — مدنیہ*⁵⁰.

Наконец, про *ازل*⁵¹ *صبح* говорят, что он влачит теперь весьма жалкую жизнь, ибо дети его почти единственные адепаты его однако не дают права надеяться на блестящее будущее, хотя

⁴³ «Кетабе Акдес», об этом произведении см.: «Китабе Акдес. „Священнейшая книга“ современных бабидов». Текст, перевод, введение и приложения А. Г. Туманского, СПб., 1899.

⁴⁴ «Икан» и «Кетабе хейкал».

⁴⁵ Суре-ал-хейкал.

⁴⁶ E. G. Browne, *Catalogue and description of 27 Babi manuscripts*, — «*Journal of the R. Asiatic society*», vol. XXIV, 1892, pp. 433—449, 637—710. Г. Д. Батюшков не ошибся в своем предположении. В. Р. Розен действительно поместил в VII томе ЗВОРАО свою рецензию на работы Броуна о бабизме и бехаизме.

⁴⁷ Неясно.

⁴⁸ Батюшков перечисляет названия попавших в его руки лаухов Беха-Уллы.

⁴⁹ Аббаса Эфенди Госне Азама, старшего сына Беха-Уллы.

⁵⁰ Названия лаухов: «Семь долин» и др.

⁵¹ Собхе Азаль.

число 27 mns., но помогают выяснению отношения 9⁶⁰ к своей пастве»⁶¹.

В письме от 3 февраля того же года Г. Д. Батюшков сообщал о своей посылке Розену бабидского молитвенника с дестхаттом (автографом) Госне Азама для объяснения или указания на обязательность той или иной молитвы. Батюшков сделал с помощью бабида перевод всех молитв, «поразительно напоминающих великопостные молитвы», и отправил Розену с оговоркой, что перевод он делал для себя, не ручаясь за точность и «заранее отказываясь от звания присяжного переводчика»⁶². А несколько лет спустя (3 июня 1899 г.) спрашивал Розена, не издан ли этот молитвенник: «Туманский говорил, будто бы имеете в виду напечатать бабидский молитвенник, который я раз выслал вам отсюда с попыткой перевода. Если молитвенник этот действительно напечатан, я просил бы выслать мне (в Иран. — Н. К.) экз. 100». Он просил также прислать изданные Туманским персидские тексты из «Кетабе Акдес» (80 экземпляров), так как на них был большой спрос среди персидских бабидов, а если прислать одни тексты нельзя — то 50 экземпляров «Кетабе Акдес»⁶³.

В 1897 г. Г. Д. Батюшков издал свою работу о бабидах — «Бабида. Персидская секта». Очерк был напечатан и в «Вестнике Европы». Батюшков кратко изложил суть учения Баба и его последователей, привел список наиболее близких учеников Баба, которых тот называл буквами (хуруф), а себя числом 19 (список несколько расходится с Броуновским), остановился на учении Беха-Уллы, его разногласиях с Собхе Азалем. Интересны дополнительные сведения о некоторых обычаях бабидов. Батюшков считает, что распространение бабизма (он имеет в виду бехаизм с его отказом от политической и антикаджарской борьбы и т. п.) «несомненно принесло бы пользу Персии, так как их идеалы выше мусульманских, шиитских особенно», но он не решил высказаться о перспективах развития этого учения: «Гадать о будущем бабизма трудно»⁶⁴.

Очерк Г. Д. Батюшкова о бабидах не имеет большого научного значения. Ни Розен, ни другие востоковеды не считали Батюшкова исследователем, да и сам он полагал, что его труд носит характер научно-популярного очерка.

Владимир Иванович Игнатъев, другой ученик Розена, в

⁶⁰ Беха-Уллы.

⁶¹ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, д. 25.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Г. Батюшков, *Бабида. Персидская секта*, СПб., 1897, стр. 28.

отличие от Батюшкова вообще не видел будущности у бабизма. «Секта бабидов, — писал он своему учителю 14 мая 1883 г., — не прекращает своего существования. Их много, как говорят, в Казвине; немало и в других городах, несмотря на преследования. К сожалению, почти невозможно что-либо узнать о них достоверное: бабид не откроет, из боязни, своих верований даже и европейцу, ибо одно подозрение в принадлежности к этой секте влечет за собою для подозреваемого смертную казнь, если он не успеет откупиться деньгами. Персидские правители сумели даже и секту эту обратить в доходную статью для себя: понадобятся им деньги — они сейчас и обвинят какого-либо состоятельного человека в бабизме; тот и платит.

И. Г. Григоровичу удалось снять копию с Корана бабидов, которую он, кажется, и доставил Вам. У меня есть одна бабидская рукопись — изречения Баба с комментариями на персидском языке, которую я привезу Вам»⁶⁵.

Письмо Игнатьева, как и письма Батюшкова, показывает, что члены российской миссии в Иране пытались приобрести персидские и арабские рукописи, в том числе и бабидские. После переезда в Ашхабад сам Игнатьев, несмотря на занятость, выбрал время познакомиться с ашхабадскими бабидами. 1 декабря 1891 г. он писал Розену: «Здесьние бабиды всеми силами стараются обратить на себя внимание начальства и заручиться сочувствием и покровительством России. Их здесь до 60 человек. Ими здесь интересовались многие, не зная, впрочем, хорошо, что это за люди. Интересовался и генерал Куропаткин. В сентябре они представили ему копии с письма и краткой записки об их учении, полученных ими из Акки от главного их проповедника. Переводчик Куроп[атки]на не мог перевести их по незнанию арабского яз[ыка], но придержал у себя до настоящего времени. С разрешения Начальника обл[асти] я взял у переводчика копии, доложив Куроп[аткину], что отправлю их Вам. Самому мне заняться нет времени, да и едва ли буду в состоянии перевести точно все, тем более, что не имею здесь арабского словаря. После того, как я взял копии, ко мне явился Туманский с просьбой передать для перевода ему. Я не согласился на это и предложил достать у бабидов другой экземпляр, с которого он и может перевести.

Препровождаю Вам эти копии и прошу Вас, глубокоуважаемый Виктор Романович, возвратить их мне по миновании надобности. Если Вам будут нужны они, я поручу снять здесь

⁶⁵ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, д. 186.

другие копии и вышлю Вам. Вы можете, конечно, как я заявил о том и Начальнику Обл[асти], пользоваться этими документами по Вашему усмотрению, т. е. напечатать их или ссылаться на них, но только не упоминая о том, что они были представлены бабидами Начальнику Обл[асти]. Это может в конце разобидеть Шаха, который и без того зол на Куроп[аткина] за покровительство бабидам. Если только не представит затруднений и хлопот, не будете ли добры прислать мне перевод сказанных документов, дабы показать генералу Куроп[аткину].

Я не особенно доверяю знаниям Туманского и боюсь, что перевод его окажется неверным.

Я познакомился здесь с более важными бабидами. Не могу сказать, чтобы они произвели на меня благоприятное впечатление... Я не верю также в искренность религиозных убеждений асхабадских бабидов. Здесь они рисуются своей принадлежностью к секте, учение которой считается высоконравственным. После случая убийства бабида персиянином, а также благодаря известиям о казнях, коим они подвергаются в Персии, на них стали смотреть здесь как на мучеников. Куропаткин также относился к ним весьма благосклонно. Они ходатайствовали и не перестают ходатайствовать о принятии их в подданство России. Обращались по этому поводу и ко мне, ссылаясь на то, что, состоя в персидск[ом] подданстве, они не могут показаться в Персию — их там сейчас же захватят, а между тем по торговым делам им необходимо ездить туда. Я ответил им, что принять их в подданство мы не можем в силу конвенции, заключенной с Персией, добавив к этому, что если бы даже их и приняли в подданство России, то это не изменило бы их положения, так как и при таком условии, при появлении их в Персии, им бы не преминули отрубить головы. — Я показывал им, между прочим, выписки из бабидских рукописей, напечатанные в изданных Вами каталогах. Остались очень довольны, что ими интересуются в России и просили даже дать им книгу на прочтение.

Откровенно сказать, присутствие их в Асхабаде и сочувствие, выказываемое им здешними властями, крайне неблагоприятно отзываются на наших делах с Персией. Из-за 60 бабидов мы обозлили Шаха, который и старается противодействовать начальнику области, где только можно. Следовало бы выселить их куда-нибудь ближе к Москве. Здесь распространялись слухи, что сам пророк из Акки, услышав о благоденствии здесь его последователей, имеет, будто бы, намерение посетить Асхабад лично или прислать своего посланца. Как ни интересно было бы видеть его, но, в случае если бы он в

самом деле вздумал осуществить свое намерение, я счел бы своею обязанностью употребить все старания к недопущению его в Закасп[ийскую] Обл[асть].

Сторонники бабидов⁶⁶ старались доказать Начальнику области (еще до моего приезда), что секта эта имеет великую будущность, что бабиды могут быть для нас весьма полезны, так как учение их составляет переходную ступень от мусульманства к православию и пр. Я не могу согласиться с правильностью подобных взглядов и думаю, что бабиды никакой будущности не имеют и 2) что если мусульманин пожелает перейти в православие — для него вовсе не нужна переходная ступень в виде бабизма.

Несколько время тому назад Куроп[аткин] в значительной степени разочаровался в бабидах. Здесь была перехвачена переписка на перс[идском] яз[ыке], в которой сообщались в Персию, по-видимому, для англичан, разные сведения. Персидско-подданный, писавший эти письма и которого допрашивал я, заявил, что он получает за составление писем жалование от одного из здешних бабидов, самого богатого, что он сам был уже два раза бабидом, но что теперь опять вернулся в лоно мусульманства. Именитый бабид был арестован, но чрез некоторое время освобожден за недостатком улик.

Я, конечно не отрицаю, что между современными бабидами много вполне искренно убежденных и готовых идти на смерть за свои убеждения, но едва ли много таковых между асхабадскими бабидами.

Простите, что я так распространился о бабидах. Быть может я сужу не совсем беспристрастно, но мне это извинительно, ибо вижу лучше, чем кто-либо, вред, приносимый нашим делам с Персией благоденственным пребыванием в Асхабаде, близ самой границы, 60 бабидов...

P. S. Сейчас получил известие из Мешхеда, что в Мазандеране будто бы восстание бабидов⁶⁷.

Письма Игнатьева раскрывают причины прекрасной осведомленности В. Р. Розена как о положении бабидов в России, так и о некоторой напряженности русско-иранских отношений в связи с пребыванием бабидов в Ашхабаде.

25 марта 1892 г. Игнатьев писал Розену о посланном по-

⁶⁶ А. М. Аршаруни (*Бехаизм*, М., 1930, стр. 3) не критически считает, что миссионеры рассматривали бехаизм как переходную ступень от ислама к христианству и этим способствовали его распространению. Однако уже в 1912 г. русский читатель мог судить по рецензии В. В. Бартольда на книгу миссионера Рёмера, что далеко не все миссионеры придерживались подобной точки зрения.

⁶⁷ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, д. 188.

следнем в Ашхабад Куропаткину переводе «Благих вестей» и других посланий Беха-Уллы:

«Прежде всего приношу Вам искреннюю благодарность за перевод, как от себя лично, так и по просьбе Куропаткина. Он взял перевод с собою в Петербург. При сем прилагаю изготовленные для Вас, при содействии Туманского, копии с подлинников, а равно копии с перевода. Все Ваши поправки, по словам Туманского, бабиды признали правильными и объяснили ошибки спешностью переписки. Первая половина 2-го документа до слова انتهى, по объяснению бабидов, записана со слов Бехауллаха его секретарем Хаджимуллахом, который затем говорит уже от себя.

Я представил Куропаткину перевод при небольшой докладной записке, в которой изложил Ваше мнение о документах.

Аккский узник повидимому раздумал ехать сюда, если только он вообще имеет таковое намерение. Действительно, организация у бабидов хороша и, повидимому, они все находятся в постоянных сношениях между собою и подчиняются одной власти. Несомненно, что у Бехауллаха имеются повсюду надежные агенты. Сказанные два документа, подлинные, по снятию с них копий для Куропаткина, были отправлены здешними бабидами для распространения в Персию.

Что касается будущности бабидов, то я в ней сильно сомневаюсь. Прежде всего они сами не знают, в какой степени они сильны. Они не знают (а быть может скрывают) — сколько их. Наш Посланник в Тегеране, при возбуждении переписки по вопросу о принятии в русское подданство проживающих в Асхабаде бабидов, сообщил Начальнику области, что о распространенности бабидов в Персии возможны лишь гадательные суждения, но что есть основание предположить, что число последователей Баба достигает миллиона. Они разсеяны во всех слоях населения, не исключая и высшего класса.

Еще более трудно судить о том, насколько успешна пропаганда учения Баба в настоящее время.

Среди суннитов число последователей секты весьма незначительно. Мне передавал здесь один персиянин за достоверное, что не очень давно в Асхабаде сделались бабидами двое армян (армяно-григор[ианского] исповед[ания]). Он не хотел мне сообщить имен этих армян, так как они, опасаясь совершенно основательно преследования со стороны властей, а равно и своих единоплеменников, тщательно скрывают о переходе в бабизм. Здесь рассчитывали, что бабизм составляет переходную ступень к христианству и, кажется, надеялись, что обласканные бабиды не только согласятся сами перейти в пра-

вославие, но и окажут благодетельное влияние на других мусульман. Вышло однако наоборот: христиане сделались бабидами, но до сего времени, насколько мне известно, ни один бабид не перешел в христианство. Если примеру двух армян последуют и другие, то придется, конечно, принять какие-либо меры. Среди мусульман Закаспийской области, как пришлых, так и туземцев (текинцев) учение бабидов не имеет ни малейшего успеха.

Возможно допустить, что, при весьма вероятных смутах в Персии, после смерти нынешнего Шаха, из-за престола какой-либо из претендентов и прибегнет к содействию бабидов, предварительно объявив себя их покровителем. Более всего можно было бы ожидать подобного шага со стороны Зиллис-Султана, фонды которого в последнее время значительно пали. Но если он решится на это, то лишь в крайнем случае, т. е. когда все остальное население будет на стороне его соперника. А в этом случае бабида, конечно, не помогут ему.

Само собою разумеется, что ни России, ни Англии нет никакого расчета поддерживать бабидов, и для меня представляется невероятным, чтобы когда-либо (по крайней мере в близком будущем) таковой расчет явился. Англичане, пользующиеся всеми возможными средствами для упрочения своего влияния в Персии, в особенности среди населения, не считают, однако, выгодным для себя оказывать какую-либо поддержку бабидам. По поводу последних жестоких казней над бабидами в Иезде ни один из европейских посланников не решился сделать Шаху заявление в пользу угнетенных, конечно, не из боязни возбудить неудовольствие Шаха и его Министров — неудовольствие это еще не так опасно — а из опасения, как мне кажется, вооружить против себя большинство населения, — несомненно враждебно относящегося к бабидам, — и в особенности всесильное духовенство»⁶⁸.

Далее Игнатъев пишет о том, что на примере табачной монополии⁶⁹ все имели возможность убедиться, что может сделать шиитское духовенство.

Вероятно, В. Р. Розен в одном из своих писем Игнатъеву рекомендовал русским дипломатам попытаться попугать шаха бабидами и заставить его угрозами дальнейшего покровительства бабидам выполнять требования России. Игнатъев не согласился с предложением Розена, считая, что угроза может

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Шиитское духовенство возглавило движение протеста против предоставления табачной монополии англичанам. Концессионный договор был отменен иранским правительством.

оказаться недейственной, а лишь подорвет престиж России и восстановит против нее широкие круги населения и духовенство. В то же время, по мнению Игнатьева, бабидов, нашедших убежище в России, выдавать Ирану нельзя, так как это не соответствовало бы достоинству России как великой державы.

Игнатьев сообщал Розену 23 апреля 1892 г., что Министерство иностранных дел не сочувствует покровительству бабидам, которое оказывается им закаспийскими властями.

Игнатьев, судя по первым письмам к Розену, недолюбливал А. Г. Туманского, не верил в его знание персидского и арабского языков и бабидских рукописей. С течением времени он, однако, убедился, что Туманский действительно был хорошим знатоком бехаитских рукописей, их сложной иносказательной терминологии.

Впоследствии он писал Розену, что «Туманский продолжает заниматься бабидами и восточными языками. С терминологией бабидов он, действительно, знаком, и я охотно отказываюсь от прежнего моего недоверия к его познаниям»⁷⁰.

Игнатьев критически относился к бабидам, жившим в Ашхабаде и в других городах России. Он сомневался в их намерениях принять участие в строительстве христианских храмов и учебных заведений в Закаспийской области, если они отказались даже пожертвовать деньги на строительство необходимого в Ашхабаде арыка.

Считая, что Розену бесполезно знать даже мелкие факты о бабидах, Игнатьев сообщил ему об ашхабадском бабиде Хаджи Абдул Расуле Иезди, который рискнул поехать в Сабзевар и был там арестован персами.

После 1895 г., когда Игнатьев ездил в Тегеран с чрезвычайным посольством Куропаткина, его связи с Ираном по существу прерываются. Он служил в Туркестане, получил чин генерала, о чем он сообщал Розену 31 октября 1899 г.: «...в генералы попал неожиданно благодаря прошлогодней чуме в Самаркандской области и ходатайству принца Ольденбургского — быстро исполнил противочумные меры». В последних письмах Игнатьева к Розену сведений о бабидах нет.

Представляют интерес письма еще одного ученика В. Р. Розена — А. П. Орлова, секретаря русского консульства в Астрабаде, снабжавшего своего учителя материалами по бабизму. Особенно важны письма от 14 июля и 6 сентября 1892 г. В первом из них он писал:

⁷⁰ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, д. 188.

«Многоуважаемый Виктор Романович.

Как видите из заголовка письма, пишу я Вам из Астрабада, в котором пребываю уже второй месяц, исполняя обязанности секретаря при здешнем Консульстве, управляемом, ввиду отсутствия Консула Кохановского, одним из Ваших же учеников Л. А. Пипером. Перемещение меня из Решта в Астрабад произошло в мае месяце; за это время мне удалось познакомиться с одним из местных бабидов, который состоит теперь моим муаллимом по части персидского языка и бабидской библиографии. Через посредство своего наставника я приобрел несколько рукописей бабидского и бегаитского содержания, которые через несколько времени, по миновании холерно-карантинных строгостей, я вышлю в Петербург для пополнения Вашей коллекции рукописей, а теперь ограничусь сообщением некоторых сведений, которые дадут Вам возможность хотя приблизительно судить о содержании этих писаний.

1-ая — форматом приблизительно in — 12°, в черном кожаном переплете, писанная четким насхом с надстрочными знаками — без заглавия; состоит из ряда глав или сур, начинающихся каждая стереотипным *بِسْمِ اللّٰهِ الرَّحْمٰنِ الرَّحِیْمِ* 164f. По объяснению моего наставника это краткий арабский Беян (всех Беянов мой бабид насчитывает 12, из них 7 арабских и 5 персидских), представляет ли он сходство с «*Livre des préceptes*», переведенной Гобино, или нет, судить не берусь, так как книги Гобино у меня нет и я пользуюсь исключительно Вашим описанием Институтских рукописей. Для образца привожу начало...

2-ой MS (с которого мною заказана копия) является произведением Беги; без заглавия; по содержанию представляет сборник мелких посланий на арабском и персидском языке, в числе их одно, обращенное к зороастрийцам с увещанием последовать новому учению; не могу привести ни одной выписки из этой книги, так как в данный момент ее нет у меня под руками⁷¹.

3-ья рукопись, и по заявлению моего бабида и по сравнению с текстом, помещенном в Ваших *Collectons Scientifiques*, есть несомненно *ایقان*. Книгу эту, как хорошо известную и в

⁷¹ Бехаисты старались перетянуть на свою сторону парсов и даже распространяли слухи о переходе многих парсов в бехаизм. П. Риттер спрашивал об этом секретаря совета (энджумена) общины парсов в Иезде и получил ответ: «Бабида об этом говорят, но ни разу не указали на отдельных лиц [перешедших в бабизм. — Н. К.]». Риттер пришел к выводу, что если и бывали случаи перехода парсов в бехаизм, то они единичны. (П. Риттер, *Отчет о поездке в Персию и Персидский Белуджистан в 1900 г.*, СПб., 1901, стр. 186).

добавок имеющуюся в количестве 4-х экземпляров у Вас и в Институте, я оставляю себе для прочтения на досуге и сличения с текстом, помещенным Вами в III t. Coll Scient. под № 2 (р. 32).

Наконец из двух прилагаемых при письме этом листков первый, помеченный мной литерой А, представляет начало *Суры сна Иосифа* سورة خواب يوسف, принадлежащей перу Баба. Произведение это, по сообщению моего наставника, написано было Бабом во время заключения его в Маку, следовательно в промежуток между 1847 и 1850 годами; состоит оно из шести частей, начинающихся каждая изречением *بسم الله الرحمن الرحيم*. Прилагаемый отрывок представляет первую из шести таких частей; последние две строки принадлежат уже второй части, которая должна была следовать за первой. Второй листик, помеченный буквой В, представляет краткое послание Беги из Акки своим персидским последователем с предсказанием холеры и чумы (وبا و الطاعون), имеющей постигнуть Персию (послание писано было более полугода тому назад) и сопровождается молитвой (со слов *هو المشفق الكريم*), чтение которой должно охранить каждого верующего бабида от заболевания этими болезнями.

Произведение это таким образом как нельзя лучше отвечает теперь потребностям холерного времени, переживаемого нами!

Первое же так сказать столкновение мое с бабидско-бегантскими рукописями обнаружило недостаточность имеющихся у меня пособий по «бабистике»; кроме Ваших прекрасных описаний рукописей Институтской библиотеки, у меня ничего почти нет. В виду этого, многуважаемый Виктор Романович, Вы мне окажете большой «ильтифат» приобретением для меня и высылкой недостающих у меня необходимых печатных пособий по этому вопросу, а именно: 1) *Religions et philosophies dans l'Asie Central par Cte de Gobineau*; 2) обе статьи Броуна в *J. of R.A.S.*, а также, если возможно, Дорновское описание бабидской рукописи, принадлежащей Публ[ичной] библиотеке и Huart'обское *Descr. of three Babi Mss.* Из книг Гобино и Броуна у меня сохранились правда мои собственноручные краткие экстракты и выписки, но главного, т. е. текстов, в них нет»⁷².

В следующем письме А. П. Орлов, сообщая о переводе его в Бухару, информировал Розена об отправке ему бабидских рукописей.

⁷² Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, д. 325.

Чрезвычайно важна переписка двух крупнейших знатоков бабизма и бехаизма в России — В. Р. Розена и А. Г. Туманского, русского офицера, заинтересовавшегося ашхабадскими бабидами и посвятившего весь свой досуг изучению бехаитских материалов. К сожалению, в нашем распоряжении имеются только письма Туманского Розену.

Туманский, находясь в Ашхабаде, вел оживленную переписку с Розеном, сообщал ему о получении новых материалов о бабидах, о работе над отдельными произведениями бехаитов, советовался о переводах и пр. В письме от 26 декабря 1892 г. Туманский сообщал Розену о своих очередных занятиях — переводе стихотворения Небиля, приложил к письму два письма на персидском языке, написанные еврейскими буквами, о событиях в Хамадане летом 1892 г., когда персидские шииты жестоко расправились с евреями и «еврео-бабидами»⁷³.

А. Г. Туманский опубликовал две заметки о бабидах — «Два последних бабидских откровения»⁷⁴ и «Последнее слово Бехá-Уллы»⁷⁵. С начала 90-х годов он начал серьезно заниматься изучением бабизма и бехаизма: завязал переписку с Броуном, перечитывал литературу о бабидах, которую присылал ему Розен. Поняв, что он плохо разбирается в вопросах шиизма, Туманский принялся за изучение трудов Кремера, Торнау, Дози, Мюллера. Все это его не удовлетворило.

В одном из ранних писем Розену (28 февраля 1892 г.) он сообщал: «Здесь обещали достать *حدائق الشيعة* и показали 16-томное сочинение *محمد باقر مجلسي* под заглавием *بحار الانور*⁷⁶, один вид которого привел меня в ужас, хотя волей-неволей придется окунуться немного в это море мрака»⁷⁷.

К бабидам вернуться мне удалось только в конце января: благодаря служебным работам, я до отъезда Куропаткина не мог совершенно ничего делать по этой части. С его же отъездом, оставшись совершенно без казенного дела, я почти целые дни провожу в обществе бабидов. Нет сомнения, что я принялся за осуществление моего старого проекта, т. е. перевод на русский язык Китабе Акдес и других главнейших Лаухов, Мунаджатов, Теразатов и т. п. прелестей. До

⁷³ Там же, ф. 777, оп. 1, д. 87, лл. 7—9 (письма евреев на персидском языке, написанные еврейским алфавитом и присланные Туманским Розену), л. 10 (эти же письма, переписанные арабскими буквами).

⁷⁴ ЗВОРАО, т. VI, стр. 314—321.

⁷⁵ Там же, т. VII, стр. 193—203.

⁷⁶ Неясно.

⁷⁷ А. Г. Туманский имеет в виду сочинения по теологии.

настоящего времени это дело продвигалось довольно вяло, и я перевел за целый месяц, половину Кит[абе] Акд[ес], т. е. до слов *ان يا ارض الحقاء نسيم فيك و الخ*. Мне бы очень хотелось составить небольшой сборник главнейших писаний Беха-Уллы с переводом на русский, конечно, с примечаниями, а для введения — небольшой исторический очерк, как по написанным источникам, имеющимся у меня, так и по некоторым словесным преданиям, собираемым мною у очевидцев разных событий.

В Асхабаде состав бабидов очень интересный. Многие из них были очевидцами и участниками очень интересных событий. Есть и из знавших самого Баба. Самый интересный из бабидов — это мой, еще прошлогодний знакомый, самаркандский житель, приехавший в Асхабад нарочно, чтобы помочь мне перевести Кит[абе] Акд[ес], Мирза Абуль Фазль Гюльпайгани *ابو الفضل گولپایگانی*, который упоминается в Тарихе Джедид. *جناب مستطاب شامع الالقاء ميرزا ابو الفضل مرقوم داشته هنگامی که اصطفهان مطمع آفتاب طلعت آنحضرت بود مقرر شد که مجلس بر پا دارند و در حضور معتمد الدوله منوچهرخان والخ* (по пагинации Броуновской рукописи между 306 и 322, т. е. в «additional details concerning the conference of Ispahan» — содержание 265, V. II).

Мой приятель — один из бывших шиитских Улема, брат его муджтехид и участник собрания в Казимейне (Traveller's Narr., II, 85—87). Перу Абуль Фазля принадлежит также начало Тарихе Джедид до конца 3 стр. по моей рукописи (до слов *بنا بر این اینجناب نیزذمه خود فرض دانست*).

После этого *تعریف* я думаю, что Вам не безынтересно будет узнать некоторые сведения о составлении Тарихе Джедид и мотивировку того, что ее называют Тарихе Манукчи *اسناد* Абуль Фазль.

Огнепоклонник Манукчи во время 1-го похода англичан в Кабул служил в английском войске на должности тавильдара низами (кажется, интендантская должность). Ввиду существующих порядков в английских войсках и пренебрежительного отношения к неангличанам Манукчи, отчаявшись в военной карьере, вышел в отставку и уехал в Тегеран, где и прожил более 30 лет. Всю свою деятельность Манукчи посвятил облегчению положения своих единоверцев в Персии. Он главным образом обратил внимание на урегулирование *حزیه*⁷⁸, которую платили гебры, и успел выхлопотать у

⁷⁸ Д ж и з и я — налог с немусульман.

персидского правительства право взимать непосредственно самому эту подать. Тот излишек, который до той поры попадал в карманы хакимов, Манукчи обратил в фонд, на проценты с которого он устроил известные гебрские школы.

Все это, конечно, не могло быть иначе, как с помощью английского правительства, подданным которого был Манукчи.

Но в последнее время, почему-то оставшись недовольным своим правительством, Манукчи изменил тактику и стал действовать не сам, а через русского подданного Таджир-баши армян Ходжэ-Ивана. Летом 1890 г., когда я был первый раз в Асхабаде, пришло известие о его смерти.

Живя долго в Персии, Манукчи был очевидцем многих событий движения бабидов и сам лично относился с симпатией к ним. В бытность свою в Багдаде он виделся с Беха-Уллою, от которого на имя Манукчи есть два Лауха. Один Вам известен, это тот Лаух, который находится в конце «Мудуние», написанный чистым персидским языком. Другой Лаух последовал в благодарность за присылку сочинения Манукчи *آین هوشنگ*; — этого Лауха у меня еще нет.

В 1297 г. [иджры] Мирза Абуль Фазль познакомился в Тегеране с Манукчи. В это время Манукчи задался целью издать два исторических сочинения. Одно — историю доисламских царей Персии, которое он поручил составить Измаил-хану Зенду. Этот последний и написал книгу *فرازستان*. Историю же бабидов он поручил составить бабиду Мирзе Хусейн Гамадани (умер в Реште в 1299 г., так что время составления Тарихе Джебид должно быть между 1297 и 1299 гг.). Манукчи сам не мог писать, так как он не знал букв арабских, но желал включить в историю свои воспоминания и взгляды. Мирза Хусейн Гамадани обратился за советом к Мирзе Абуль Фазлю, который и посоветовал ему держаться хронологии Насих ут-таварих, включая в эти хронологические рамки воспоминания Манукчи. Сам же Абуль Фазль, как я выше сказал, написал к этой истории нечто вроде предисловия (*عنوان*).

Здесь нельзя обойти молчанием редактора этой истории Хаджи Сейид Джевада Кербелаи, к которому Мирза Хусейн Гамадани носил свои черновые.

Этот хаджи был один из известнейших шиитских ученых, из рода Сейида Мехди, тоже величайшего ученого, известного под именем *بدر العلوم*. Этот хаджи начал свою науку в Кербеле в раннем детстве и был из учеников Шейха Ахме-

да Ахсайского⁷⁹. Потом 10—12 лет слушал курс у Казема Решти и, наконец, сделался бабидом. Баба он знал еще ребенком и еще до *اظہار*⁸⁰ признавал необыкновенные качества его. Мой приятель Абуль Фазль от него воспринял свет бабизма. Хаджи скончался в Кермане в 1299 г., имея около ста лет от роду.

Вот и все, что я могу сообщить Вам пока о Тарихе Джедид. Если что понадобится еще Вам или Броуну, то я с полной готовностью буду сообщать. В этом отношении мой источник представляет, смею думать, некоторый интерес в виду того, что из лиц, имевших соприкосновение к Тарихе Джедид в живых только один М. Абуль Фазль».

Туманский просил прислать для бабидов экземпляры «Тарихе Сейях» и около 50 экз. 2-го тома.

«Как подвигается Ваше издание тех писем, над которыми Вы трудились прошлое лето и нет ли чего нового у Вас», — спрашивал он В. Р. Розена и сообщал, что послал Матвею Авельевичу Гамазову рукопись «Тарихе Сейях», почерк которой «не хуже броуновского оригинала, если не лучше». Эта рукопись, по мнению Туманского, написана рукой Зейнуль-Мокарибина, что придало ей особенное значение в смысле верности. Он сообщал, что ему удалось достать автографы Беха-Уллы и Баба и что ему обещали прислать фотографию дома в Акке, а портрет Беха-Уллы получить невозможно.

«В Тарихе сейях (I, стр. 5v, II, стр. 45) упоминается о рисунке русского консула. Бабиды крайне хотели бы знать, кто это рисовал и не известен ли Вам этот рисунок. Если бы можно было снять с него копию или фотографию, то этим можно было бы доставить большое удовольствие Беха-Улле»⁸¹.

Как видно из письма, вопрос об авторстве «Тарихе Джедид» был ясен А. Г. Туманскому уже в начале 1892 г. Впоследствии по имеющимся у него материалам Туманский написал статью «К вопросу об авторах истории бабидов, известной под именем Тарихе Манукчи или Тарихе Джедид»⁸².

Туманский высказал предположение, что упоминаемый Броуном «рисунок русского консула» — казненный Баб — был сделан Н. В. Ханыковым сразу после казни Баба.

⁷⁹ Основателя секты шейхитов.

⁸⁰ То есть до того, как Али Мохаммед объявил себя Бабом.

⁸¹ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, д. 458.

⁸² ЗВОРАО, т. VII, стр. 33—45.

В письме от 3 июля 1892 г. Туманский сообщил Розену о смерти Беха-Уллы.

«Свершилось. Страница перевернута. این حضرت صعود فرموده. Беха-Улла скончался. В таких выражениях сообщили мне о кончине Беха асхабадские бабиды. Известие о его смерти, последовавшей в Бехдже, в его же قصر'e около Акки 16 мая утром по старому стилю, пришло в Асхабад только 24 июня. Никаких писем, никаких телеграмм tout court, были присланы прилагаемые завещание и مرثیه 'Андалиба. Перевод их и небольшое введение я пришлю со следующей отходящей от нас почтой. Если найдете возможным, то не откажите поместить их в Записках.

Очень Вам благодарен и не откажите при случае передать Е. Г. Вюльфу мою искреннюю признательность за присылку его брошюры. В этом письме ничего не буду говорить, но в другой раз есть кое-что сказать о ней.

Историю Джани я уже давно поджидаю. Одно скажу: бабиды не охотно очень дают старые документы, считая их не совсем годными (sic!). Что касается لوح صامصون, то он в Асхабаде неизвестен, но за справкой послано в Бухару, где находится знакомый уже Вам Мирза Абуль Фазль Гюльпайгани»⁸³.

В этом письме А. Г. Туманский сообщил Розену о завещании Беха-Уллы („Грамоте моего завета”), которое вскоре с небольшим предисловием опубликовал в «Записках»⁸⁴.

Служебные задания часто отвлекали Туманского от научных занятий бабидами. 22 июля 1892 г. он писал Розену о том, что ему пришлось совершенно оставить бабидов и по поручению Куропаткина начать сбор материалов о юридических обычаях туркмен Закаспийской области. Он просил Розена указать ему литературу по обычному праву.

«Мне бы очень хотелось повести это дело так, чтобы из него можно было бы извлечь возможно больше пользы и в служебном и, если удастся, в научном [отношениях]». Но параллельно Туманский продолжал работу над переводами бехаистских сочинений. «Относительно перевода Китабе Акдес,— сообщал в этом же письме Туманский Розену,— не знаю, что предпринять. В области средств для печатания не имеется, да к тому же нет и типографии с восточным шрифтом. Хотя я и не очень тороплюсь, придет Абуль Фазль — и я еще раз пересмотрю перевод. لوح صامصون здесь реши-

⁸³ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, л. 458.

⁸⁴ ЗВОРАО, т. VII, стр. 193—203.

тельно никому неизвестен, да к тому же бабиды утверждают, что Беха не был в Самсуне»⁸⁵.

А. Г. Туманский 8 сентября 1892 г. сообщил Розену: «На счет لوح *صاحف* написано в Акку, и по присылке его Вам его непременно пришлю. Печатаемый Вами لوح имеется в Асхабаде и называется لوح *سيد مهدي*. Прилагаю мою заметку об этом Мехди, написанную под диктовку Мирзы Юсуфа Решти»⁸⁶.

Относительно печатания Китабе Акдес с восторгом принимаю Ваше решение и по получении верного текста вышлю его с переводом и примечаниями. Смущает в Китабе Акдес один грамматический оборот, о котором не могут навести справки, а именно *بعد الذي*. Кажется, что это неправильно и должно быть *بعد ما*. Это несколько раз повторяется, и асхабадские арабисты не могут разрешить мне этого вопроса, равно как я не нашел этого решения у de Sacy».

Туманский благодарил Розена за советы, как собирать материалы по обычному праву туркменов, и перечислил основные труды, над которыми он работает или которыми собирается воспользоваться: Гродекова, Леонтовича, Ковалевского, Мюллера, Веселовского, Григорьева, Ибн-аль-Асира, Абуль-Гази, Утби, Бейхаки, «чтобы не быть совсем в потемках»⁸⁷. И как велико было разочарование Туманского, когда он узнал, что все его занятия были излишними — «кажется что нужна была только программа (о сборе материалов по обычному праву туркменов.— Н. К.) Зачем? Не знаю» (письмо от 22 октября 1892 г.).

Из письма видно, как Туманский собирал бабидские и бехаитские материалы, обрабатывал их, уточнял переводы, выяснял биографические и иные данные. «Лаух Самсун еще не прибыл, — писал Туманский 22 октября 1892 г., — читать имя *آقا سيد مهدي* надо *دهجی* (деджи). Жду с нетерпением изданных Вами лаухов для сбора биографических и других сведений, касающихся этих лаухов. Если можно присылайте по частям, т. е. по мере их отпечатывания, чтобы не задерживать издания... Очень Вам благодарен за разъяснение

⁸⁵ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, д. 458.

⁸⁶ Об этой заметке выяснить ничего не удалось. Вероятно, Туманский говорит о ней в письме от 9 июля 1893 г., когда сетует на то, что его очень подвел «приятель» со своими сведениями о бабидах. Выдержка из этого письма — о поездке пяти асхабадских бабидов в Акку в связи со смертью Беха-Уллы и о взаимоотношениях между Аббас Эфенди и его родственниками — опубликована Розеном (ЗВОРАО, т. VII, стр. 310, 311).

⁸⁷ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, д. 458.

بعد الذي . Я вполне теперь уяснил себе этот «персицизм»... Относительно печатания я недавно получил от Мирзы Абуль Фазля письмо, в котором он просил повременить с изданием [Китабе Акдес — Н. К.] ввиду опасений Гусне Аазема за последствия, могущие произойти для них. Копию этого письма прилагаю»⁸⁸.

«Мне надо пока с ними (бабидами — Н. К.) ладить, — продолжал Туманский, — так как скоро будет готова биография Беха-Уллы, а эту штуку интересно будет заполучить. Не пишите только об этом Броуну, а то перехватит.

Если будет возможность, я переведу ее вместе с выдержками из Тарихе Джедид (Манукчи) и Мекалейе Сейях. Это послужит как бы введением в Китабе Акдес. Эти переводы пойдут скорее, чем Китабе Акдес, и, быть может, к следующему сентябрю будут закончены, а тогда мне можно будет взять отпуск и приехать в Петербург, но, конечно, это *ria desideria* ...

Прочитал я Ваше письмо к В. И. Игнатьеву. Вы были введены в заблуждение رهينه, а я не знал, как понять حورى или خورى, а если خورى, то что это значит. Теперь же Ваше чтение и перевод خورى для меня вполне ясны.

Что же касается претензии Беха-Уллы регулировать отношения христиан к брачному вопросу духовенства и вопрос о монашестве, то мне кажется, она не так уже неожиданна. Задаваясь создать новую религию такого эклектического характера, как необабизм, нельзя, думаю, было Беха-Улле отказать от всякой тени прозелитизма. Кроме того, и самый лаух носит название لوح نداء, т. е. скрижаль «призыва», а также и другое название, с намеком на христианскую терминологию: بشارات.

Новостей по бабизму особых нет, кроме полученного краткого известия об убийстве в Иезде четырех человек. Подробностей пока нет, если будут, то сообщу Вам»⁸⁹.

В январе 1893 г. Туманский вместе со своим письмом послал Розену рукопись сочинения Абуль Фазля Гюльпайгани о слушании дела об ашхабадских бабидах в русском суде. В письме он объяснял, что бабидские поэты Роуха и Роухани⁹⁰ — разные лица, и, между прочим, писал: «Советами

⁸⁸ Туманский заверил Мирзу Абуль Фазля, что опубликование «Кетабе Акдес» на русском языке не представляет для них опасности и, кроме того, книга без разрешения бабидов не будет напечатана.

⁸⁹ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, д. 458.

⁹⁰ روحانی и روحا

Вашими предполагаю воспользоваться, держась их буквально. Я теперь еще яснее себе представляю, что *qui ne su se borner ne su jamais écrire*. Поэтому я с момента получения Вашего письма ограничил себя только переводом Китабе Акдес, который уже кончил. К этому переводу я предполагаю приложить перевод *لوح يوسف*, в котором есть указание об учении о будущей жизни, некоторые *لوح*'и относительно молитвы и образчики таковых и выдержки из *كلمة فردوس*. Все эти выдержки я помещу в примечаниях к соответствующим стихам Кит[абе] Акд[ес], которые у меня тоже готовы, только некоторые из них придется развить.

Что касается заметок моего прошлого письма, то они предоставляются в полное Ваше распоряжение, как и все, что может Вас заинтересовать в будущем. Полное имя Манукчи (в дополнение к заметке Броуна) *مانکچی لیمچی هوشنگ* *هاتریا*, по словам бабидов, по-индусски означает «купец», *هوشنگ* — родовое прозвище.

Другой историк бабидов Хаджи Мирза Джани Кашани интересен как первый историк бабизма, но только бабизма времен Баба, т. к. он умер в 1852 г. в числе тегеранских жертв, обвиненных в покушении на жизнь шаха. Он брат некоего Хаджи Мохаммеда Исмаила, того самого лица, к которому адресован *لوح رائس* (т. е. он так называемый *لوح صاحب لوح رائس*). Мирза Джани был из богатых купцов г. Кашана, и Баб во время следования из Исфагана в Тегеран останавливался в Кашане в доме Джани. С Бехой Джани познакомился в Тегеранской тюрьме, где они оба сидели по подозрению в покушении»⁹¹.

1 февраля 1893 г. Туманский просил передать признательность «неутомимому Броуну» за присылку его работы о 27 бабидских рукописях. Именно она заставила Туманского написать заметку об авторах «Тарихе Манукчи», сведения о которых он собрал за год до знакомства с работой Броуна.

Туманский продолжал собирать в Ашхабаде материалы о бабидах для себя и для Розена. «Справки по Вашим лаухам я поручил подготовить бабидам, и когда приеду из командировки (т. е. дней через 5, 6), то приведу в порядок и немедля вышлю Вам. Теперь хочу сказать, что Лаух № 32 есть тот именно лаух, о котором я Вам ранее писал, что он

⁹¹ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, д. 459.

адресован покойному Фазилу, биографию которого написал Небиль»⁹².

«15 благая весть известна асхабадским бабидам, но мне ее не показывали до сих пор, — сообщал А. Г. Туманский 19 марта 1893 г. — Бабидский антихолерный талисман здесь неизвестен. Асадов предполагал, что он был, может быть, из числа многочисленных талисманных посланий Баба».

Заметок на тексты В. Р. Розена Туманский не мог выслать, так как ожидал приезда Гюльпайгани, чтобы записаться у него сведениями⁹³.

Сочетать военную службу с научно-исследовательской работой Туманскому становилось все труднее. Жалобы на это звучат чуть ли не в каждом письме. «Куропаткин немного угорел и гоняет меня и в хвост и в гриву. Вижу, что из благих намерений ничего не выйдет. Служба! Считают не в меру резонером».

О своих служебных затруднениях сообщал он и 9 июля 1893 г.: «меня ссылают на Мангышлак, исполнять временно должность помощника уездного начальника». В этом же письме он говорит о поездке в Бухару и Самарканд, где приобрел несколько рукописей — и среди них «Худуд-уль-Алем».

Иногда информирующие Туманского бабиды вводили его в заблуждение, а Туманский, не имея других материалов для сравнения, некритически приводил в своих статьях полученные от бабидов сведения. 9 июля 1893 г. он писал: «получил корректурный листок моей заметки и просто сгорел со стыда за свою оплошность в том, что я позволил подвести себя таким образом своим приятелям. Поправки к тексту вышлю вам из Мангышлака». В этом же письме Туманский высказался о литературном наследстве Беха-Уллы: «Подавляющее количество всяких писаний, оставленное как *ميراثه موغوب*⁹⁴ Бехой своим последователям, превосходит всякое воображение, и я не знаю, кто будет в состоянии разобраться во всем этом действительно «море» словоизвержения. Разве только так называемые *مبلفين*⁹⁵, ну им и книги в руки. В этом направлении в Акке сделана первая попытка. Изданы Китабе Акдес и некоторые лаухи, которые я препровождаю Вам с этим письмом. Издание сделано, как Вы увидите, по-восточному, и сколько я ни ломал себе голову, сколько я ни допрашивал бабидов, я не мог уловить хотя что-либо похожее на систе-

⁹² Там же, письмо от 1 февраля 1893 г.

⁹³ Там же, письмо от 19 марта 1893 г.

⁹⁴ Наследство.

⁹⁵ Пропагандирующие учение Беха.

му. Одно лишь можно сказать, что в начале идут крупные лаухи, затем все меньше и меньше. Вот поэтому-то и нельзя не радоваться, что остались лаухи, хронологию которых можно определить, т. е. отнести их к известному периоду и наиболее интересному, что касается справок о лаухах, то я убедился, что они расспросным путем не особенно надежны. Остаются только справки о личностях, к которым адресованы эти лаухи. И вот, расспрашивая таким образом, я натолкнулся на существование преинтересной небольшой рукописной хроники, касающейся арестов и гонений бабидов во многих местах Персии в 1300 г. Эта хроника принадлежит перу некоего Мирза Али Асгер *میرزا علی اصغر*, написана очень просто, почти что разговорным языком, почерк шекесте, на русской почтовой бумаге. Но впрочем более подробный отчет я Вам представляю уже из Мангишлака и привезу саму рукопись *ان شاء الله*, когда отпустят в отпуск, т. е. осенью, в сентябре или октябре. Что же касается расспросных сведений, то они очень неудачны, конечно тут много и моей вины. Простите и не судите строго.

...Перевод Теджереи Теракиме кончил за небольшим исключением, т. е. двух стихотворений, которые для меня представляют пока порядочные трудности.

В письмах от 2 сентября, 9 и 20 декабря 1893 г. Туманский ответил на некоторые вопросы Розена по переводам бабидских сочинений, информировал его о получении книги Броуна, которую он нашел очень интересной, сообщил о сличении канонического издания «Кетабе Акдес» с рукописью, имеющейся у него, об окончании своего перевода «Кетабе Акдес». Спрашивал Розена, помирился ли Броун с бехаистами. Туманский предполагал, что они должны были поссориться из-за «публикации портрета и писаний Эзеля». Туманский писал Розену о своем намерении поехать в командировку в Иран, но поездка оказалась в то время неосуществленной, так как в Иране хорошо знали, что он занимается бабидами, и не дали ему визы. Закончив в основном перевод «Кетабе Акдес» и приложений к ней, Туманский попросил Розена добиться для него разрешения на поездку в Иран для изучения жизни бабидов и приобретения бабидских рукописей. Розен ходатайствовал перед военным министром о предоставлении Туманскому командировки для завершения исследования о бабидах.

Разрешение на шестимесячную командировку было получено. Туманский стал готовиться к поездке.

Перед отъездом Туманский собирался послать Розену перевод и текст «Кетабе Акдес» с подстрочными примечаниями

ми и три лауха в качестве приложений — извлечение из «Лауха к Керим-хану», «Лаух об элементарной действительности» (впоследствии он переводил его как «Простейшее по существу»)⁹⁶, где Беха-Улла касался пантеизма, и «Лаух о суфиях». Туманский предполагал еще добавить несколько лаухов с их камами.

Однако, он отослал Розену лишь перевод, текст, примечания и один лаух. Первый и третий лаухи хотя и были готовы, но «в таком неопрятном виде, что затрудняюсь их послать. Постараюсь почистить»⁹⁷. Первый лаух Туманский выслал из Тегерана.

О своих отношениях с персидскими бабидами во время пребывания в Иране Туманский коротенько сообщал 25 мая 1894 г.: «с бабидами в постоянном соприкосновении. Достал в семье покойного Джани экземпляр его истории. Хороший список. Недостает первых трех листов». Прожив в Иране около полугода и хорошо ознакомившись с местными условиями, он понял, что проездом рукописи не достанешь, надо пожить на одном месте. Книжные рынки порядком очищены англичанами и другими европейцами. А. Г. Туманский везде пытался связаться с бабидами.

«Боюсь, что моя рукопись [Джани, — Н. К.] претерпела некоторую редакцию и утратила тот тон, который столь характерен в парижской рукописи. Сличение, конечно же, решит этот вопрос. Но я все-таки рад этой находке главного и основного исторического памятника бабидского движения.

Я Вам писал, что в начале моей рукописи недостает несколько листов. Будучи в Кашане я через одного из членов семьи Джани узнал, что имеется еще один полный экземпляр в окрестностях Кашана и мне обещана копия недостающих листов.

...Кроме этого я раздобыл два исторических стихотворения: одно из ранних творений Небиля, другое, приписываемое персидской принцессе под *تخلص* 'ом *نته* и характерное тем, что рисует утрату авторитета Субхе Эзеля среди секты. Стихотворение тоже из первых времен бегаизма»⁹⁸.

После возвращения из путешествия в Ашхабад Туманский более подробно информировал Розена о своих находках, например, списке «с части неизданного труда покойного

⁹⁶ «Китабе Акдес. „Священнейшая книга“ современных бабидов», стр. 65.

⁹⁷ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, д. 460, письмо от 17 февраля 1894 г.

⁹⁸ Там же, письмо от 24 октября 1894 г.

Али Кули мирзы (Итизад ус-Салтане) под заглавием کتاب متبیین⁹⁹, касающейся бабидского движения»¹⁰⁰. С бабидами А. Г. Туманский встречался в Реште, Казвине, Тегеране, Хамадане, Ширазе, Нейризе, Иезде, Кашане, Мелаире (Доулетабаде), Неджефабаде (около Исфагана), Сидехе, Абадехе. В Фарсе бабиды, по сведениям Туманского, группировались в Зергане, Сервистане и Нейризе, на юго-востоке Фарса, в Бендер-Аббасе, в Буруджерде они вообще не встречались. В Кирмане бабидов было несколько человек, довольно много в Сириджане и Рафсинджане, Иезде. Общее число бабидов достигало 100—150 тысяч. Цифра Керзона, которую приводит Броун, по мнению Туманского, преувеличена. «Но это не умаляет их значения. Бабидов в настоящее время особенно много в Тегеране, среди которых находятся очень высокопоставленные и влиятельные лица. Кроме того, бабизм служит знаменем, вокруг которого группируются элементы, недовольные существующим режимом. В числе таковых встречаются очень влиятельные ханы и предводители кочевых племен».

«Для характеристики настоящих бабидов у меня имеются два интересных документа: один — окружное послание Госне Азама политического характера, называется رسالة سياسيه, а другой — найденный мной в архиве миссии секретное предписание какому-то бабиду о мерах, необходимых для безопасного следования в Акку...»¹⁰¹.

Последние письма Туманского Розену полны пессимизма. Туманский не хотел заниматься административной работой в Закаспийском крае, которую предлагал ему Куропаткин, и стал добиваться перевода в Петербург. Летом 1896 г. он получил новое назначение в Красное Село. Туманский был по-прежнему очень занят служебными поручениями, у него почти не оставалось времени на научную работу. «Что сказать о себе? Стреляем исправно...», — с горечью писал он Розену 10 июня 1896 г. Тем не менее он сумел подготовить и переслать в Ашхабад для опубликования в местной газете переводы на русский язык из «Родословного древа туркмен» Абуль-Гази, подготовил отпечатки с сердоликовых печатей, купленных в Буруджерде, работал над статьей о «Худуд-уль-Алем» для Бартольда, читал корректуру «Кетабе Акдес».

⁹⁹ Неясно.

¹⁰⁰ Там же, письмо от 10 декабря 1894 г.

¹⁰¹ Там же, письмо от 4 января 1895 г.

Дальнейшая судьба Туманского нам неизвестна ¹⁰².

Самая большая работа А. Г. Туманского о бабидах-бегахитах — «Китабе Акдес. „Священнейшая книга“ современных бабидов» — вышла в 1899 г. в «Записках Академии наук по историко-филологическому отделению» (т. III, № 6), хотя доложено о ней было В. Р. Розеном на заседании этого отделения 30 марта 1894 г.

Книга А. Г. Туманского состоит из небольшого предисловия, обстоятельного введения, перевода «Кетабе Акдес», трех приложений (I — лаух Керим-хана; II — лаух Али и лаух «Простейшее по существу»; III — лаухи: «Восходы», «Узоры», «Отблески» и «Райские слова»), указателя и персидского текста «Священнейшей книги».

Туманский не считал возможным рассматривать бабизм, а особенно бехаизм, который он называл необабизмом, как новую религию. По его мнению, «термин «религия» еще несколько рискованно приурочивать к тому учению, которое оставил нам продолжатель дела Али-Мохаммед Баба — Беха Улла» ¹⁰³. Туманский отказался даже дать обоснованную характеристику бабизма и бехаизма, ссылаясь на недостаточность данных о самом движении, обилие запутанных религиозных документов и на относительную близость событий: «нам, как почти современникам, невозможно сделать точную оценку значения этих событий, стоящих наряду с самыми замечательными историческими явлениями XIX века» ¹⁰⁴.

Во введении Туманский остановился главным образом на учении Баба о восстании (киамет), на борьбе за преобладающее влияние на сторонников Баба после казни последнего, постепенном выдвижении Собхе Азаля и Беха-Уллы, на освящении жизни бабидов в Турции, на разрыве и личной вражде между двумя братьями, приведшей к расколу бабидов ¹⁰⁵ и переселению их из Адрианополя: одних (эзелитов) — на о. Кипр, других (бехаитов) — в Сирию. Далее Туманский попытался проследить, как проходила реформаторская дея-

¹⁰² Небольшой некролог о А. Г. Туманском опубликован И. Ю. Крачковским в журн. «Восток» (кн. I, Пг., 1922, стр. 142), но и в этом некрологе нет ни даты смерти Туманского, ни сведений о последних годах его жизни, о литературном и научном наследстве.

¹⁰³ «Китабе Акдес. „Священнейшая книга“ современных бабидов», стр. III.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Материалы о борьбе бехаитов с эзелитами Туманский извлек из архива российской миссии в Тегеране, с которым он ознакомился с разрешения поверенного в делах А. Н. Шпейера. Большую помощь ему при сборе бабидских рукописей и сведений о бехантах оказали Г. Д. Батюшков и И. Г. Григорович (там же, стр. XVII, прим. 3).

тельность Беха-Уллы, в каких основных документах (досланиях-лаухах, корреспонденциях, книгах) изложены основы нового учения. Туманский поместил во введении даже перевод рассказа Броуна о его пребывании у Беха-Уллы в Акке в 1890 г.

Туманский воздержался не только от характеристики бехаизма в целом, но даже не дал оценки (кроме — «главный религиозный документ нового учения») «Кетабе Акдес», которую он очень обстоятельно изучил, перевел и опубликовал.

Исследование Туманского о «Кетабе Акдес» и наиболее крупных лаухах Беха-Уллы является большой заслугой дореволюционного русского востоковедения. И как показывает переписка Розена, это была заслуга не одного Туманского, а группы лиц, принимавшей посильное участие в сборе и изучении материалов о бабидах и бехаитах.

Большое значение для истории изучения бабизма и бехаизма имеет переписка В. Р. Розена с Э. Броуном. В архиве Академии наук (ф. 777) хранятся 64 письма Броуна к Розену, опубликование которых принесло бы несомненную пользу исследователям, так как в них затронуты многие вопросы по истории бабизма, не получившие освещения в литературе. Но переписка двух крупнейших ученых еще ждет своего исследования.

Историей бабидского движения и бехаизма интересовался и такой крупный востоковед, как В. А. Жуковский. Во время научной командировки в Иран он собирал материалы о бабидах, опубликовал небольшую заметку «Недавние казни бабидов в городе Езде»¹⁰⁶. По возвращении в Петербург он следил за изданием бабидских и бехаитских документов, которыми в последние годы жизни очень усиленно занимался В. Р. Розен. Кроме того, В. А. Жуковский лично был знаком со многими работниками русской миссии и консульств в Иране, которые собирали сведения о бабидах, отыскивали рукописи и проч. В опубликованной В. А. Жуковским в 1916 г. статье «Российский императорский консул Ф. А. Бакулин в истории изучения бабизма»¹⁰⁷ очень подробно рассматриваются материалы по бабизму, собранные Бакулиным и его коллегами и переданные Жуковскому летом 1912 г. родственниками Бакулина.

В. А. Жуковский впоследствии высоко оценил заслуги русских дипломатических работников в изучении бабизма и

¹⁰⁶ ЗВОРАО, т. VI, стр. 321—328. Материалы для заметки предоставил ему В. И. Игнатьев.

¹⁰⁷ ЗВОРАО, т. XXIV, 1916, стр. 33—90.

бехаизма, оказавшихся деятельными и достойными помощниками русских востоковедов.

Бакулин собирал восточные монеты и рукописи и отправлял их в Азиатский музей. Им были приобретены «Беян» Баба, автографы Куррет-уль-Айн; ему принадлежит неопубликованная заметка о разногласиях Беха-Уллы и Собхе Азаля, написанная не позднее 1874 г., когда в Европе об этом еще никто ничего не знал. Еще в 1873 г. Бакулин получил «Икан» и знал это сочинение под его правильным названием за двадцать лет до того, как оно стало известно в научной литературе.

Очень интересны письма Баумгартена к Бакулину. Баумгартен был комиссионером и поверенным торгового дома Морозова в Шахруде, поддерживал тесную связь с бабидами, сообщал Бакулину ценные сведения о них. Сейчас все эти материалы хранятся в Архиве востоковедов Ленинградского отделения Института народов Азии Академии наук СССР в фонде В. А. Жуковского. Все материалы Бакулина и письма Баумгартена очень хорошо описаны Жуковским, и добавить к этому, пока нет новых материалов, ничего нельзя.

Занимался бабидами и такой крупный востоковед, как академик В. В. Бартольд, интересы которого, судя по его трудам, были далеки от истории XIX—XX вв. Тем не менее в фонде Бартольда в Архиве Академии наук имеется небольшая машинописная рукопись «Бабиды»¹⁰⁸, косвенно свидетельствующая о том, что он был знаком с материалами о бабидах. У Бартольда имелся текст одного из посланий Баба из крепости Маку своим приверженцам и комментарии к нему, а также послания мирзы Яхьи Собхе Азаля (три документа) и письмо сестры Собхе Азаля Ханум-Бозорг к одной из сторонниц Азаля в Хорасане. Кроме того, у Бартольда была копия письма русского генерального консула в Бейруте фон Клемма от 10 ноября 1913 г., в котором консул рассказывает о своих встречах в Александрии с главой бегаитов Аббасом Эфенди Госне Аазамом, о переписке с самим Беха-Уллой.

В 1912 г. Бартольд опубликовал очень обстоятельную рецензию на книгу Рёмера о бабидах и бегаитах¹⁰⁹. Высказывания Бартольда о сущности бабизма заслуживают внимания, хотя М. С. Иванов в своем исследовании о бабидских восстаниях в Иране не остановился на этой работе Бартольда. Бартольд считал, что образование «коммунистической

¹⁰⁸ Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, д. 501а.

¹⁰⁹ «Мир ислама», вып. 3, т. 1, стр. 425—441.

общины» бабидов — случайное явление, не дающее права¹¹⁰ говорить о «восточном социализме» и сближать бабидов с маздакитами¹¹¹. Бартольд находил, что Броун и Рёмер очень узко ставят вопрос о политических интересах бабидов (его точка зрения перекликается с точкой зрения Казем-бека). Если изучать это явление только с религиозной точки зрения, то, продолжал Бартольд, невозможно объяснить, почему учение исмаилитов XI—XII вв. было принято в замках и отвергнуто в городах, почему роль Махди в XIX в. взял на себя ширазский купец и почему, наконец, сейчас бабидов больше на юге Ирана, чем на севере, хотя ареной вооруженного восстания были именно северные области¹¹². Очень интересно также высказывание Бартольда о сущности бехаизма, «международной теософской секты, не более», влияние которой ограничивается узким кругом лиц. Некоторый успех бехаизма Бартольд связывает с попыткой Беха-Уллы выдать себя за обещанного в евангелии пророка, или за Христа, или даже бога-отца¹¹³. Бартольд правильно предполагал, что у бехаизма нет будущности. Он отметил, что Розен и Туманский преувеличивали веротерпимость бехаитов и близость их учения к христианству. Бартольд призывал исследователей изучать бабизм и бехаизм как историческое явление и выяснить, «насколько успеху движения содействовали условия жизни, особенно экономические, в Персии XIX века»¹¹⁴.

Почти во всех отчетах и путевых заметках русских людей, посещавших Иран, встречаются упоминания о бабидах.

У лиц, специально не интересовавшихся учением и судьбой бабидов, сведения, как правило, случайны, разрозненны. Обычно это описание какого-либо события, происшедшего во время пребывания данного лица в Иране, или передача услышанного рассказа о преследовании бабидов правительством. Причем бабизму (под которым, как правило, надо понимать бехаизм) придавалось очень большое значение. Так, отправившийся к Персидскому заливу в 1897 г. для наблюдения за ходом эпидемии чумы и холеры врач Сергей Марк писал: «Успех секты бабидов — особенно распространенной на юге Персии — обязан отчасти стремлению их освободить мусульманскую женщину из ее затворничества, поднять уровень ее развития, предоставить ей положение в обществе,

¹¹⁰ См. Th. Nöldeke, *Orientalischer Sozialismus*, — «Deutsche Rundschau», Bd XVIII, 1879, S. 284—291.

¹¹¹ «Мир ислама», т. I, вып. 3, СПб., 1912, стр. 434.

¹¹² Там же, стр. 434, 435.

¹¹³ Там же, стр. 436, 437.

¹¹⁴ Там же, стр. 441.

подобно женщине христианской. Бабизм — струя живой воды в бесплодной Персии; и если эта струя превратится со временем в поток, то возможно ждать пробуждения скрытых сил народа, несомненно богато одаренного»¹¹⁵.

В действительности же бехаизм к концу XIX в. не обладал той жизненной силой, которая могла бы всколыхнуть Иран. В отдельных случаях главы бехаитской общины выступали против революционных настроений и вооруженных выступлений народа Ирана, как это было в иранскую революцию 1905—1911 гг.¹¹⁶. Аббас Эфенди Госне Аазам послал своим табризским последователям на их запрос о том, могут ли они участвовать в выборах в меджлис, следующую телеграмму: «Не ищите попасть в члены меджлиса, но стремитесь, чтобы бог был доволен вами». При встрече в Александрии с русским генеральным консулом в Бейруте фон Клеммом Аббас Эфенди подтвердил свое распоряжение не участвовать в выборах в меджлис: «Мы достаточно убедились, какие грустные результаты дали нам меджлисы с большинством из групп демократов, так что повторять опыт при том же выборном законе не стоит и лучше воздержаться от участия в выборах, чем нести ответственность за состав меджлиса, в котором большинство почти несомненно будет опять злосчастных демократов, так как они, имея лишь этот путь, чтобы получить власть в свои руки, мобилизуют все свои силы и всегда окажутся в большинстве. Если бы не усилия России, в Азербайджане и до сих пор царил бы анархия, вызванная кавказскими выходцами да различными энджуменами, учрежденными Таги-заде и тому подобными агитаторами из той же группы»¹¹⁷.

В дореволюционной русской литературе имеется мало материалов о положении бабидов-бехаитов в Иране после разгрома бабидского движения 1848—1852 гг. Поэтому отрывочные сведения, взятые из работ разных авторов, могут представлять известный интерес для исследователей. Например, у П. Риттиха есть сведения о бабидах, живущих в некоторых городах Ирана: в Кашане — 300 человек, в Наине — 50, в Иезде «все почти передовые люди перешли в бабизм» (одних интеллигентных бабидов в городе около полутора тысяч), в Кермане с семьями насчитывается до тысячи баби-

¹¹⁵ «Отчет по командировке на Персидский залив (в Бендер-Аббас) в 1897 г. врача Сергея Марка», СПб., 1898, стр. 52, 53.

¹¹⁶ В противоположность бехаитам сторонники Собхе Азаля во время революции 1905—1911 гг. выступали с левыми лозунгами.

¹¹⁷ Архив АН СССР, ч. 68, оп. 1, д. 501, л. 9.

дов¹¹⁸. По представлению Риттиха, бабизм в Иране принимали преимущественно прогрессивно настроенные слои населения: в Наине — «все это цвет интеллигенции», в Иезде — «передовые люди»¹¹⁹. Вместе с тем Риттих, вероятно плохо принятый в Кермане, пишет, что в этом городе выдающихся бабидов нет, а имеющиеся прославились пьянством, развратом и атеизмом¹²⁰.

Доктор Н. И. Шеталов, наблюдая жизнь бабидов в Иезде (правда, некоторые его сведения заимствованы у Керзона), пришел к заключению, что процветанию их в этом городе содействовала поддержка русских властей (глава бабидской общины Хаджи Мохаммед Таги Ширази был русским коммерческим агентом), благодаря которой они жили относительно спокойно, не преследовались местной администрацией; это привлекало к ним население: даже гебры переходили в бабизм¹²¹. Положение гебров в Иезде, по утверждению Шеталова, улучшилось после 1890 г., когда за них стали заступаться бабиды¹²². Шеталов считал, что треть мусульманского населения Иезда была бабидами¹²³.

Преследования бабидов в Иране периодически принимали острые формы. Иранские правящие классы перед лицом начавшихся повсеместных революционных выступлений населения стремились направить недовольство народных масс против бабидов, хотя истинным виновником бедствия народного был существующий режим. Муджтехиды Исфагана с согласия губернатора Зилли Султана неоднократно поднима-

¹¹⁸ П. Риттих, *Отчет о поездке в Персию и Персидский Белуджистан в 1900 г.*, стр. 138, 155, 170, 205.

¹¹⁹ Там же, стр. 155, 170. Некоторые наблюдения Риттиха над жизнью бабидов в Иране дают возможность предположить, что в это время бабиды получили право легального существования (наличие квартала бабидов Махалеёе Бабнан в г. Ардистане и др.). Некоторые представители иранской администрации переходили в бабизм («Поездка по Восточной Персии поручика Баумгартена в 1894 г.», СПб., 1896, стр. 108, 190, 240).

¹²⁰ Там же, стр. 205.

¹²¹ Н. И. Шеталов, *Город Иезд*, — «Сборник Средне-Азиатского отдела общества востоковедения», СПб., 1907, стр. 113—116. О Шеталове П. М. Мелиоранский писал Розену: «Шеталов год сидит в Иезде и караулит чуму — очень хотелось бы познакомиться [Шеталова. — Н. К.] с Жуковским. Это мой друг-приятель еще со школьной скамьи, поехавший сначала в Закаспийскую область на службу, затем в Персию. Хорошо знает немецкий и французский языки, выучился немного и по-персидски, интересуется «мало-мало» археологией и историей, прислал мне недавно снимки надписей из Иезда, оказавшиеся на первый раз изречениями из Корана...» (Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, д. 273).

¹²² Н. И. Шеталов, *Город Иезд*, стр. 123.

¹²³ Там же, стр. 108.

ли население против бабидов¹²⁴. Даже вмешательство иностранных представителей, оказывавших покровительство бабидам, не всегда могло их защитить. В начале 1890 г. двадцать бабидов, спасаясь от преследований, бежали в Исфаган и укрылись в здании английского телеграфа. По ходатайству английского посланника бабида были отправлены в деревню Седех под охраной сарбазов. Городская чернь по дороге напала на них и убила 11 человек¹²⁵.

Общая оценка русских работ по бабизму дана А. Е. Крымским¹²⁶. Считая ее в основе правильной, мы не будем останавливаться на разборе трудов русских ученых и публицистов по этому вопросу.

* * *

Небольшая прослойка русской интеллигенции заинтересовалась идеями, которые проповедовали бабида и бехаисты. Это нашло отражение даже в художественной литературе. Здесь прежде всего следует сказать об отношении Льва Толстого к бабизму и бехаизму, в учении которых он находил близкие ему религиозно-нравственные идеи.

По мнению советского исследователя творчества Л. Н. Толстого — А. Шифмана¹²⁷, впервые Толстой всерьез занялся изучением бабизма в сентябре 1898 г., прочитав книгу Ф. Андреаса о бабидах¹²⁸. После этого он стал искать литературу о бабизме и попытался связаться с бабидами. Летом 1901 г. он писал одному из своих адресатов — бабиду Габриелю Саси: «Бабизм меня очень давно интересует». Это же повторил Толстой в письме Изабелле Гриневской в 1903 г.¹²⁹

¹²⁴ Об избиении бабидов в Исфагане и Неджефабаде в 1903 г. см.: «Отчет о поездке по Персии в 1903 г. Дм. Беляева», Тифлис, 1906, стр. 2—9. Беляев предположил, что Зилли Султан и англичане думали, что в случае преследования бабидов последние обратятся за помощью к России, используют русское консульство в качестве беста, что могло послужить поводом для разжигания антирусских настроений: русские, мол, поддерживают безбожников баби.

¹²⁵ См. выписки В. Р. Розена из депеш и донесений русских дипломатических работников. (Архив АН СССР, ф. 777, оп. 1, д. 98, л. 10.)

¹²⁶ А. Е. Крымский, *Общий исторический очерк бабизма и обзор новейшей литературы о нем*. — «Древности восточные», т. IV, 1913, Протоколы, стр. 79—91; см. также: М. С. Иванов, *Бабидские восстания в Иране*, стр. 22—25; Н. А. Смирнов, *Очерки истории изучения ислама в СССР*, М., 1954.

¹²⁷ А. Шифман, *Лев Толстой и Восток*, М., 1960, стр. 380.

¹²⁸ F. C. Andreas, *Die Babi's in Persien*, Leipzig, 1896. (Книга с пометами Л. Н. Толстого хранится в яснополянской библиотеке).

¹²⁹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений. Юбилейное издание, т. 73, М., 1954, стр. 109; т. 74, стр. 207.

Изучая литературу о бабизме, вряд ли Толстой только в апреле 1904 г. впервые познакомился со «священной книгой» Беха-Уллы, которая еще в 1899 г. была издана Туманским в русском переводе.

Почти все высказывания Л. Н. Толстого о бабизме и бехаизме находятся в его письмах к П. П. Картушину, Атрпету, М. М. Крымбаеву, Ионессу Кану, И. Гриневской, Габриелю Саси, Фридун-хану Бадалбекову и др. Идея бабидов в известной степени импонировали мировоззрению Льва Николаевича Толстого, как раз в эти годы проповедовавшего свою идею «непротивления злу насилием».

Л. Н. Толстой, получив книгу о Мохаммед-Али-шахе Атрпета (автора книг о бабизме и бехаизме), писал ему 15 июня 1909 г.: «Очень благодарю Вас за присылку Вашей книги. Я нашел в ней много для себя нового и в высшей степени интересного. Меня также интересуют по своим заглавиям и другие Ваши книги, указанные в объявлении: «Шиитское духовенство», «Секта бабизм», «Податная система в Персии», «Младотурецкое движение»¹³⁰.

А. Крымский опубликовал в «Древностях восточных» письмо Л. Н. Толстого к бывшему слушателю Лазаревского института Фридун-хану Бадалбекову (от 28 декабря 1908 г.), с ответами на вопросы Фридун-хана о религии. Толстой, между прочим, писал: «...ислам, по моему мнению, содержит, как и все религии: браманизм, буддизм, конфуцианство и др., — великия, вечныя истины, но, как и все религии, перемешан с суевериями, грубыми извращениями истины обрядами и обманами. Для составления понятия об исламе мне много содействовала прекрасная книжечка изречений Магомета (The Sayings of Muhammad, edited Abdulah Al-Mamun Al-Suhrawardy), изданная в Лондоне. Учение бабистов, перешедшее в багаизм (Бага-Улла), возникшее из магометанства; представляет из себя одно из самых высоких и чистых религиозных учений»¹³¹.

Познакомившись ближе с сочинениями бехаитов, Толстой стал разочаровываться в их учении, многое находил неглубоким, не заслуживающим внимания. Более подробно об от-

¹³⁰ Письмо опубликовано в книге Атрпета «Бабиты и беханты»; Тифлис, 1910.

¹³¹ «Древности восточные», т. IV, Протоколы, стр. 91; см. также Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 78, 1956, стр. 306—307. Это же письмо в английском переводе, так же как и письмо Толстого к Изабелле Гриневской, опубликовано в книге: «The Baha'i world. A Biennial international record», vol. IV. New York, 1933, p. 233. Все письма Л. Н. Толстого по бехаизму и бабизму можно найти в его Полном (юбилейном) собрании сочинений.

ношении Толстого к бехаизму можно прочитать в упомянутой книге А. Шифмана «Л. Н. Толстой и Восток».

Идеи бехаистов увлекли и Изабеллу Гриневскую, которой адресовано одно из писем Л. Н. Толстого.

В предисловии к первому изданию своей поэмы «Баб. Драматическая поэма из истории Персии. В 5 действиях и 6 картинах» (СПб., 1903) Гриневская писала, что А. Т. Туманский считает возникновение бабизма одним из величайших мировых событий XIX в., а в России имя Баба и его учение мало известны даже в образованной среде. По мнению Гриневской, постановка драмы познакомит русскую общественность с идеями бабизма. (Первая постановка пьесы состоялась в Петербурге 21 января 1904 г. на сцене театра Литературно-художественного общества.)

Материалами для драмы «Баб» послужили для Гриневской исследования А. Казем-бека, М. А. Гамазова и А. Г. Туманского. Говоря об основной теме своего произведения, Гриневская писала в предисловии ко второму изданию «Баба», вышедшему в период первой мировой войны: «...изображаются в ней... порывы умов к вопросам, которые мучают человечество... и вместе с тем дают утешение и забвение, помогающие ему совершать те мирные дела...»

И мне думается, что именно и в эти минуты, когда лик войны наиболее грозен и насмешлив, следует людям останавливаться в раздумьи на вопросах важных и всечеловеческих, всегда утешающих и примиряющих, хотя и неразрешимых»¹³².

Гриневская для доказательства отказа Баба от революционных методов борьбы вводит в поэму следующий эпизод. Когда был вынесен смертный приговор Бабу, народ, как пишет Гриневская, хотел освободить Баба, но он, не желая пролития крови, заявил:

Нет, мщения не надо...

Ах, бросьте же мечи...

Пойдем с улыбкой к смерти, к ней в объятия!..

Мечи раздора спрячьте...

В драме несколько смещены отдельные события — например, массовые казни бабидов приурочены к казни Баба, в то время как они были во время подавления восстаний бабидов в Мазендеране, Зенджане и Нейризе, а также после неудавшегося покушения на шаха в 1852 г., почти три года спустя после казни Баба. Вместе с тем Гриневская сумела

¹³² И. Гриневская, *Баб*, изд. 2, Пг., 1916, стр. 3, 4.

довольно точно передать настроение населения во время массовых казней бабидов:

Народу ужасом сперва зажали рот.
Сначала вывели замученных бабидов.
Их выслали вперед.
Ручьем текла с них кровь... Но гимны, гимны пели!
От ужаса мы все тут онемели,
У всякого была одна забота,
Чтоб не подумали, что также он бабид.

Крымский высоко оценил поэму Гриневской: «При известных промахах этого произведения с научно-исторической точки зрения нельзя у автора не признать значительного вникновения в предмет и умения воспроизвести живую, наглядную картину»¹³³.

Через несколько лет Изабелла Гриневская опубликовала вторую поэму «Беха-Улла (Блеск Божий). Поэма-трагедия в стихах (из истории религиозных движений в Персии) в 5 действиях и 6 картинах с эпилогом» (СПб., 1912).

Мой труд посвящаю о мире болеющим
И трепетно ищущим в мире огней.

Гриневская посвятила ее бехаитам.

Почти вся речевая канва поэмы построена на материале посланий Беха-Уллы. Это произведение Гриневской — своего рода пропаганда идей бехаизма в поэтической форме.

Кроме поэм Гриневской, других крупных произведений о бабизме и бехаизме в русской художественной литературе не было.

* * *

Интерес, который проявляют сейчас советские ученые к бабизму и бехаизму, дает возможность предположить, что в ближайшее время появятся исследования не только по истории этих до конца еще не изученных течений, но и по истории их изучения. Имеющиеся в архивах Советского Союза материалы о бабидах и бехаитах помогут исследователям более полно осветить историю одного из интереснейших религиозно-политических течений в исламе.

¹³³ «Древности восточные», т. IV, Протоколы, стр. 88.